Надточий Владислав Дмитриевич

Московский попаданец

Императору не докладывать!



Приключенческий роман о путешествиях во времени, двойниках и праве выбирать свою судьбу

18+

Владислав Надточий

Московский попаданец. Императору не докладывать!

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Московский попаданец. Императору не докладывать! /
В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Его имя известно в Древнем Риме. Его появления ждёт сам император.
А человек, который хочет его убить, носит его собственное лицо.Артём Синицын всего лишь организовывал исторический фестиваль в Москве.
Но одна нелепая случайность — и вместо ряженых легионеров вокруг настоящие, вместо декораций — Римская империя, а на дворе 122 год нашей эры.Казалось бы, главное — выжить и найти дорогу домой. Но почему император Адриан знает о нём? Кто оставляет предупреждения из будущего? И откуда взялись другие Артёмы Синицыны, каждый из которых уверен, что именно он — настоящий?Впереди — римские заговоры, смертельно опасные авантюры, любовь к прекрасной римлянке и тайна, способная уничтожить не только будущее, но и само прошлое.Он случайно попал в историю. Теперь история пытается избавиться от него.И пока судьба двух тысячелетий висит на волоске, Артёму предстоит усвоить главное правило:Что бы ни случилось — императору не докладывать!

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 6
Глава 1. Историческая катастрофа по утверждённому сценарию 7
Глава 2. Начальство прибыло. Прячьте отчётность 10
Глава 3. Русский язык в римской кладовой 13
Глава 4. Недостача государственного значения 16
Глава 5. Строительство, которого нет 22
Глава 6. Арест по предварительной записи 28
Глава 7. Запасной выход для особо важных преступников 34
Глава 8. Повозка с двойным дном 40
Глава 9. Дорога, которой нет на карте 45
Глава 10. Десять минут на спасение 51
Глава 11. Человек, который пришёл раньше себя 59
Глава 12. Суд над будущим 64
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Владислав Надточий
Московский попаданец.
Императору не докладывать!

МОСКОВСКИЙ ПОПАДАНЕЦ. ИМПЕРАТОРУ НЕ ДОКЛАДЫВАТЬ!

Надточий Владислав Дмитриевич

Исторический приключенческий роман

Аннотация

Попасть в Древний Рим — полбеды. Главное, чтобы император не узнал, кто ты на самом деле!

Артём Синицын всего лишь организовывал исторический фестиваль. Но одна маленькая катастрофа — и вместо ряженых легионеров вокруг настоящие, вместо декораций — Римская империя, а на дворе 122 год нашей эры.

Теперь его ждут центурионы с подозрительными вопросами, хитрые торговцы, опасные поручения и личное знакомство с императором Адрианом. А ещё — прекрасная римлянка, ради которой можно рискнуть не только жизнью, но и самой историей.

Но почему в Древнем Риме знают его имя? Откуда здесь другие путешественники во времени? И что делать, если однажды встречаешь… самого себя?

Два тысячелетия приключений, римские интриги, любовь, опасные тайны и юмор человека, который совершенно не собирался становиться героем.

Историю можно переписать. Главное — не дать ей переписать тебя!

Глава 1. Историческая катастрофа по утверждённому сценарию

Артём Синицын понял, что день не задался, когда римский легионер потребовал у него вернуть слона.

— Какого ещё слона?

— Боевого, — уточнил легионер.

— Слонов у нас нет ни по смете, ни по здравому смыслу.

— А по сценарию?

— По сценарию у нас мирные переговоры. И, между прочим, без участия слонов.

Легионер посмотрел на горящий деревянный частокол.

— Судя по пожару, переговоры удались?

Артём закрыл глаза, досчитал до трёх. Когда открыл, легионер по-прежнему ждал ответа, а частокол горел с прежним усердием. Чудес не случилось.

Артёму было тридцать два. Восемь лет он организовывал массовые мероприятия и вывел для себя три закона профессии.

Первая: заказчик никогда не знает, чего хочет.

Вторая: если заказчик всё-таки знает, чего хочет, денег на это у него нет.

Третья: если деньги внезапно находятся, лучше немедленно увольняться.

Сегодня все три закона сработали разом. Артём прикинул расходы и решил, что точную сумму лучше не знать.

На поле исторического фестиваля горела декорация римского укрепления. Директор мероприятия требовал срочно организовать торжественный выход императора. Император, нанятый через актёрское агентство, третий час сидел в кустах и отказывался выходить без дополнительной оплаты.

Пожар, исчезнувший император, теперь ещё слон. Животное в — Слушайте, — сказал Артём легионеру, — вы вообще из какой группы?

— Из Второй когорты.

— Это я понял. Руководитель кто?

— Центурион Марк Флавий Руф.

— Номер телефона вашего начальника.

Легионер нахмурился.

— Что дать?

— Средство связи.

Тот молча протянул Артёму короткий меч.

— Это средство убеждения.

— Замечательно. А связь у вас, видимо, голубиная.

Артём развернулся и пошёл искать директора фестиваля.

За спиной послышался грохот.

Обернувшись, он увидел, как пятеро легионеров тащат по полю деревянную катапульту.

— Стойте! — закричал Артём. — Катапульта в смете была декоративная! Кто разрешил стрелять?!

— Приказ командира!

— Какого командира?!

— Ваш! Нам сказали, что вы главный по зрелищам!

Артём остановился.

— Моего?!

— Вы же присланы из Рима.

— Я прислан из Москвы! И у меня вообще-то был договор только на историческую реконструкцию!

Легионеры переглянулись.

— Это далеко от Рима? — спросил один. — Нужны дополнительные подводы?

— Смотря на чём ехать. На машине — долго, на катапульте — не советую.

— Значит, важный человек, — заключил второй.

Артём набрал воздуха, чтобы объяснить: организатор фестиваля не командует римской армией. Договорить ему не дал грохот.

Камень пролетел над полем и с оглушительным треском снёс деревянную трибуну.

Артём застыл.

— Всё, — произнёс он. — Трибуну списываем. Следующий фестиваль будем проводить в чистом поле. Хотя постойте: мы уже проводим.

— На следующий год? — удивился легионер. — Вы так долго собираетесь оставаться?

Артём обернулся к разрушенной трибуне — и наконец заметил, что за ней.

За полем не было ни парковки, ни сцены, ни палаток с сувенирами.

Не было даже линии электропередачи.

Там, где ещё недавно стояли фестивальные палатки, лежала широкая римская дорога. По ней скрипели повозки, маршировали солдаты. На холме высилась каменная крепость — настоящая, не из фанеры.

Артём достал телефон и разблокировал экран. Никогда прежде он не делал этого с такой надеждой.

Связи не было.

Он снова взглянул на дисплей.

На экране значилось: двадцать первое июня.

Там, где обычно стоял год, было пусто.

— Простите, — осторожно спросил он легионера. — А какой сейчас год?

— Шестой год правления нашего божественного императора Адриана.

Артём переспросил бы, но легионер выглядел человеком, который не шутит о летосчислении.

— Ага.

Артём перебрал в памяти годы правления Адриана. Историю он знал неплохо. Беда в том, что ни один учебник не объяснял, как вернуться из неё домой.

— Значит, у нас проблемы с календарём. И с техподдержкой:

Легионер выпрямился:

— В Риме об этом тоже говорят.

Артём посмотрел на меч, катапульту, крепость и легионеров.

Затем произнёс фразу, которую раньше говорил исключительно перед самыми неудачными корпоративами:

— Так. Главное — без паники. Сейчас выясним, кто здесь главный. Только прошу: не назначайте меня.

— Вы, господин, — ответил легионер с готовностью человека, который только что избавился от неприятной обязанности.

Артём выдохнул сквозь зубы.

Исчезнувшая парковка пугала меньше, чем повышение, о котором Артём даже не просил. В Москве за такое хотя бы полагалась прибавка. Здесь — копьё в комплекте.

На работе назначение главным означало переработки. Здесь оно, похоже, означало ещё и ответственность перед человеком с мечом.

Предчувствие подтвердилось уже через несколько минут.

В крепости уже готовили торжественную встречу нового императорского уполномоченного.

А в Риме человек, никогда не слышавший имени Артёма Синицына, только что получил донесение:

«Посланник прибыл. Предсказание начинает сбываться».

Глава 2. Начальство прибыло. Прячьте отчётность

В крепости явно ждали проверку. Солдаты суетились, двор подозрительно блестел, а всё, что нельзя было объяснить начальству, спешно исчезало с глаз.

У ворот двое солдат торопливо тащили куда-то бочку. Третий прикрывал её щитом.

— Что там? — спросил Артём. — Если отчётность, можете не прятать: я всё равно не умею читать ваши таблицы.

— Ничего, господин.

— А почему это ничего булькает? У вас тут даже пустота с акцизом?

Солдат покосился на бочку с таким видом, будто ждал от неё объяснений.

— От волнения. Бочка у нас впечатлительная. Особенно когда рядом сборщик налогов.

Артём придержал язык. Из опыта он знал: начальство особенно разговорчиво, когда уверено, что подчинённые ничего не понимают.

На площади перед казармами стояли три десятка легионеров. Все вытянулись так, словно от этого зависело их жалованье. Перед строем расхаживал широкоплечий мужчина лет пятидесяти, с короткой седой бородой и лицом человека, которому уже много лет не сообщали ничего приятного.

— Центурион Марк Флавий Руф! — объявил сопровождавший Артёма солдат.

Центурион повернулся.

— Где посланник?

— Перед вами.

Руф осмотрел Артёма с головы до ног.

Особенно долго он смотрел на кроссовки.

— Это что?

— Я вижу, что не капуста. Почему без ремней? И почему не скрипит, как положено военной обуви?

— Новая технология. Ноги в ней не просят увольнения после каждого перехода.

— Из Галлии?

— Можно сказать, из очень дальней Галлии.

Руф помрачнел.

— Я так и думал. Оттуда ничего хорошего не приходит.

Он шагнул ближе.

— Документы.

Артём нащупал в кармане паспорт и тут же отдёрнул руку. Предъявлять центуриону документ гражданина Российской Федерации — верный способ усложнить и без того трудный разговор.

— Документы будут позже, — сказал он уверенно. — Сначала согласуем перечень документов. Это надолго.

— Почему?

— Секретное распоряжение.

— Чьё?

— Очень высокого начальства.

Руф прищурился.

— Насколько высокого? Выше легата?

Артём посмотрел на крепостную стену.

— Выше той башни. Но я бы не советовал просить у него письменное подтверждение.

Руф посмотрел на башню, затем на Артёма. Для человека, привыкшего подчиняться приказам, высота распоряжения, похоже, была достаточным доказательством его подлинности.

— Понятно, — наконец произнёс он. — Значит, из Рима.

— Я этого не говорил.

— А кто ещё может быть выше нашей башни?

Ответить Артём не успел.

Из административного здания выбежал худощавый человек в белой тунике, прижимавший к груди несколько восковых табличек.

— Господин! Наконец-то! Мы вас ожидали!

— Меня? — осторожно уточнил Артём.

— Разумеется! Я Гай Септимий, поставщик гарнизона, доверенное лицо местной администрации и человек, благодаря которому здесь вообще что-нибудь работает.

Руф презрительно хмыкнул.

— Благодаря тебе здесь ничего не работает бесплатно. Даже часы, если бы они у нас были.

— Центурион, прошу не смешивать торговлю с благотворительностью. У них разные кассы.

Артём вдруг почувствовал себя почти дома.

— Отлично, — сказал он. — Раз уж все собрались, начнём с простого. Кто здесь отвечает за снабжение?

Гай Септимий гордо расправил плечи.

— Я.

— За расходы?

— Я.

— За учёт?

— Тоже я.

— А кто вас проверяет? Только не говорите, что вы же, но в другой тунике.

Торговец замер.

— В каком смысле? — Гай машинально прикрыл таблички ладонью.

— В прямом.

Гай медленно повернулся к центуриону.

— Руф, ты слышал? Он задаёт неправильные вопросы.

— По-моему, очень правильные, — заметил центурион.

Артём почувствовал, как в нём просыпается профессиональный интерес. Попасть в Древний Рим было, конечно, неприятно. Но обнаружить организацию, в которой снабженец одновременно распоряжался деньгами, вёл учёт и проверял самого себя, — это уже почти вызов.

— Покажите склад, — распорядился он. — Желательно до того, — Сейчас? — ужаснулся Гай.

— А когда вам удобно?

— Через месяц. К тому времени у меня появится убедительная причина вас не пускать.

— Почему?

— К тому времени мы всё получим.

— Что именно?

— То, чего сейчас не хватает.

— А чего не хватает?

Гай посмотрел на Руфа.

Руф посмотрел на Гая.

Оба посмотрели на Артёма.

— Похоже, — сказал Артём, — нам предстоит интересная экскурсия. Вход бесплатный, выход — после инвентаризации.

Артём ожидал недостачи, но к тому, что обнаружилось за дверью, не подготовился бы ни один ревизор.

Потому что в складском помещении, куда его привели через несколько минут, находились сорок семь амфор с маслом, восемь мешков зерна, три сломанных копья и один человек, который при виде Артёма побледнел так сильно, словно увидел призрак.

А затем человек произнёс на совершенно чистом русском языке:

— Вы опоздали. Вас должны были прислать вчера.

Глава 3. Русский язык в римской кладовой

Незнакомец заговорил почти шёпотом. По-русски. Без акцента — так, чтобы слышал один Артём.

Артём уставился на него.

Артём забыл о пожаре и катапульте. Среди римских амфор стоял человек, который говорил по-русски не как ученик, выучивший пару фраз, а как сосед по лестничной клетке.

Все объяснения, которыми Артём до сих пор себя утешал, пришлось выбросить.

— Повторите, — попросил Артём.

Незнакомец оглянулся на центуриона, торговца и двух легионеров, загораживавших дверь.

— Я сказал, что масло испортилось, господин, — произнёс он теперь на латыни.

Руф недовольно посмотрел на амфоры.

— Опять?

— Масло, — заметил Гай Септимий, — продукт деликатный. Особенно если его неправильно хранить.

— Ты хранишь его в собственном доме, — напомнил центурион.

— Именно поэтому оно и не портится там.

Артём не сводил глаз с незнакомца.

Лет сорока, худой, нос длинный, туника потёртая. Артём видел таких заведующих складом десятками. Но ни один из прежних не знал о XXI веке.

— Все наружу, — сказал Артём.

Гай возмутился:

— Но это мой склад!

— Прекрасно. Тогда выйдите первым, чтобы показать пример подчинённым. Желательно без описи того, что успеете унести.

— Я не подчинённый!

— Тем более. Руководители должны подавать пример.

Руф хмыкнул и взял торговца за плечо.

— Я требую свидетелей!

— Я буду свидетелем, — пообещал центурион. — Особенно если выяснится, что ты опять продал нам воду.

Дверь закрылась.

Артём подождал, пока шаги стихнут.

— Ну? — спросил он по-русски.

Незнакомец приложил палец к губам.

— Тише.

— Конечно. А то вдруг нас услышит кто-нибудь из местного отдела переводов. Или из службы по борьбе с русским языком.

— Не шутите.

— Я пока даже не начинал.

Человек подошёл к двери, прислушался, затем повернулся.

— Меня зовут Павел.

— Очень приятно. Артём. А теперь объясните, почему я сижу среди амфор, когда у меня на фестивале пожар, катапульта и сорванный график артистов.

— С каким пожаром?

— С того, который я пытался потушить за пять минут до появления ваших легионеров.

Павел побледнел.

— Значит, вас перенесло во время реконструкции?

— А вас, видимо, во время инвентаризации? У каждого свои профессиональные риски.

— Я здесь уже девять лет.

Артём перестал улыбаться.

— Девять?

— По местному счёту. Если точнее — восемь лет и одиннадцать месяцев.

— И всё это время вы работали кладовщиком?

— Не всё. Первые два года я пытался вернуться.

— А потом?

— Потом понял, что лучше иметь крышу над головой, чем красивые теории о времени.

Корзина жалобно хрустнула.

— Простите, — вырвалось у Артёма, прежде чем он вспомнил, где находится.

— Это государственное имущество, — заметил Павел.

— Тогда я уже чувствую себя увереннее. За порчу государственного имущества хотя бы ясно, кому писать объяснительную.

Павел вытащил из-за пояса кожаный мешочек, распустил шнурок и вытряхнул на ладонь металлическую вещицу.

Артём узнал его сразу.

Обычная флешка.

Синяя, с потёртым корпусом и треснувшим колпачком.

— Откуда?

— Нашёл здесь пять лет назад.

— И что на ней?

— Не знаю. Проверить нечем.

— А почему показываете мне?

— Потому что на ней написано ваше имя.

Артём взял флешку.

На пластике действительно виднелась надпись, сделанная тонким чёрным маркером:

«СИНИЦЫН. НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ПРИБЫТИЯ».

Он не сразу ответил.

— У меня есть вопрос, — наконец сказал Артём.

— Какой?

— Почему все вокруг знают, что я сюда приеду, кроме меня самого? Мне даже командировочные не оформили.

Павел посмотрел в сторону двери. Ответ он, похоже, знал. Делиться им не собирался.

— Вот это и есть главная проблема.

За дверью послышались голоса.

— Господин уполномоченный! — окликнул Руф. — К вам прибыл гонец!

Артём спрятал флешку.

— Из провинциальной канцелярии!

— И что ему надо?

— Говорит, приказ срочный!

Артём посмотрел на Павла.

Тот схватил его за руку.

— Не подписывайте ничего.

— Я и не собирался.

— Даже если приказ будет от самого императора.

— Особенно если от императора. У меня подпись в паспорте совсем другая.

Павел не улыбнулся.

— Вы не понимаете. В прошлый раз всё началось именно с подписи.

— В какой прошлый раз?

Но дверь уже распахнулась.

На пороге стоял Руф. За его спиной маячил запыхавшийся юноша с кожаным футляром.

— Императорская печать, — сообщил центурион.

Гонец торжественно вынул из футляра свиток.

Артём взглянул на красный оттиск, затем на Павла.

— Ну что ж, — пробормотал он. — Посмотрим, чего от меня хочет руководство.

Он развернул документ.

Латынь была канцелярская, без единой попытки пожалеть читателя. Артём разобрал первые строки и понял: бюрократия переживёт любую империю. Возможно, именно она их и переживает.

Ему поручалось в течение трёх дней проверить крепостные склады, установить причины исчезновения военного имущества и представить заключение о пригодности гарнизона к предстоящему смотру.

А внизу стояло имя ответственного исполнителя.

Артемий Синиций.

— Даже фамилию испортили, — прошептал Артём.

— Говорю, кадровая служба у вас работает безобразно. Я теперь даже не знаю, как расписываться.

Центурион вытянул шею.

— Там есть что-нибудь о жалованье?

— Нет.

— Значит, действительно из Рима.

Артём уже собирался отдать свиток гонцу, когда заметил на обороте короткую приписку.

Не латынь.

Русский язык.

Всего четыре слова:

«Павлу не верь. Никому».

Артём поднял глаза.

Павел стоял у стены. По его лицу Артём понял: тот рассчитывал, что приписку никто не заметит.

— Что-нибудь ещё, господин? — спросил Руф.

Артём свернул свиток, стараясь не смотреть на Павла.

— Да. Соберите всех, кто отвечает за склад.

— Зачем?

— Будем проводить проверку.

Гай Септимий, появившийся за спиной центуриона, тяжело вздохнул:

— Я знал. Этот человек принесёт нам несчастье.

— Нет, — возразил Артём. — Несчастье у вас уже есть. Я только собираюсь выяснить, сколько оно стоит и кто подписал накладную.

Он сунул свиток за пояс и направился к выходу.

Совпадениями здесь уже не пахло. Кто-то заранее всё устроил.

Его не просто перепутали с чиновником.

Ему подготовили должность, документы и даже подозреваемых.

Оставалось выяснить, кто написал сценарий.

И почему в нём нашлось место для человека, который уже девять лет утверждал, что хочет домой.

Глава 4. Недостача государственного значения

Утром Артём оценил главное преимущество римской канцелярии перед московской: здесь не рассылали сорок семь писем с пометкой «Срочно».

Зато мог прислать сорок семь солдат. И ни одного — с кнопкой «Ответить всем».

Именно столько человек ожидали его перед зданием канцелярии.

— Это что? — спросил Артём.

— Люди для проверки, — доложил Руф.

— Я просил собрать ответственных за склад.

— Они и есть ответственные, — ответил Руф. — Каждый отвечает за то, чтобы виноватым оказался сосед.

Артём окинул строй взглядом. Сорок семь человек на один склад — знакомая пропорция: один работает, остальные создают комиссию.

— По очереди.

Артём оглядел солдат. Если опрашивать каждого отдельно, закончить можно было как раз к следующему императору.

— А кто отвечает одновременно за всё?

Центурион указал на Гая Септимия.

Торговец держался поодаль и выглядел так, будто арифметику придумали исключительно для его преследования.

— Прекрасно, — сказал Артём. — Начнём с него.

— Почему сразу с меня? — возмутился Гай.

— Потому что вы руководитель.

— Вчера вы говорили, что руководители должны подавать пример!

— Вот и подавайте.

— Я начинаю подозревать, что вы используете мои слова против меня.

— Не беспокойтесь. Скоро перейдём к вашим документам.

Артём оглядел строй.

— А остальные зачем?

— Для охраны, — объяснил Руф.

— От кого?

— От возможного сопротивления проверке.

— Кто будет сопротивляться?

Руф посмотрел на торговца.

— Пока неизвестно.

Артём не удержался от улыбки.

Ему начинал нравиться этот центурион.

* * *

Проверка началась с зерна.

По табличкам числилось четыреста мешков пшеницы. На складе лежало восемь. Остальные триста девяносто два, видимо, ушли по делам.

— Где остальные? — спросил Артём.

Гай Септимий торжественно поднял палец.

— Здесь необходимо учитывать особенности древней торговли.

— Какие именно?

— Естественную убыль.

— Триста девяносто два мешка?

— Для пшеницы условия оказались исключительно неблагоприятными.

Артём посмотрел на солнечное небо.

— Для кого?

— Для зерна.

— Оно замёрзло?

— Нет.

— Сгорело?

— Нет.

— Утонуло?

— Тоже нет.

— Тогда что с ним случилось?

Гай выдержал паузу.

— Кто?

— Люди.

— Какие люди?

— Голодные.

Руф громко кашлянул.

Артём повернулся к нему:

— Центурион, сколько солдат в гарнизоне?

— Сто восемьдесят шесть.

— И все они настолько голодные?

— Нет. Некоторые ещё и злые.

— А почему?

— Потому что зерна нет.

Гай развёл руками:

— Вот видите! Всё сходится!

Артём прикрыл глаза.

В Москве Артём слышал объяснения и похлеще. Разница была в том, что там за пропажу грозила служебная проверка, а здесь за спиной стоял центурион с мечом.

Меч оказался убедительным доводом в пользу древних методов учёта.

— Хорошо, — сказал Артём. — Давайте посмотрим выдачу зерна по дням.

Гай замер.

— По каким дням?

— По календарным.

— А зачем?

— Чтобы выяснить, когда именно ваши солдаты съели годовой запас.

Торговец посмотрел на Руфа.

— Он всегда такой?

— Не знаю, — ответил центурион. — Но мне нравится.

* * *

Через час Артём выяснил, что в крепости существует три вида имущества.

Второе — то, которое числится в документах.

Третье — то, которое Гай Септимий обещал доставить «в самое ближайшее время».

Третьего оказалось больше всего.

Особенно впечатляла ситуация с обувью.

— Согласно записи, — произнёс Артём, — вы получили триста пар сандалий.

— Совершенно верно.

— А выдали двести девяносто восемь.

— Тоже верно.

— Где оставшиеся две пары?

Гай просиял.

— Наконец-то разумный вопрос! На складе.

— Покажите.

Торговец вынес четыре сандалии.

Все левые.

Артём долго рассматривал их.

— Вы понимаете, что здесь четыре левые сандалии?

— Конечно.

— А правые где?

— Их не доставили.

— Тогда почему вы приняли товар?

Гай оскорбился.

— А что я должен был сделать? Отказаться от хорошей обуви только потому, что у неё небольшие особенности?

— У обуви нет особенностей. У неё отсутствует половина смысла.

Руф взял одну сандалию, повертел в руках и мрачно произнёс:

— Я три месяца жалуюсь на эту поставку.

— И что вам отвечали?

— Что правая партия задерживается.

— Где?

— В дороге.

— Три месяца?

Торговец согласился:

— Очень длинная. К тому же повозки ломаются.

— А почему левые доехали? — спросил Артём.

— Им повезло.

Артём положил сандалию на стол.

— Записываем: поставка некомплектная.

Гай встрепенулся:

— Нет-нет, господин! Запишите лучше: поставка осуществляется поэтапно.

— Зачем?

— Звучит благороднее.

— Для суда тоже?

Торговец решил больше не спорить о словах.

* * *

К полудню у Артёма было уже семь табличек с замечаниями и весьма скверное настроение.

Он обнаружил копья без наконечников, щиты без ремней, бочки без масла и одну совершенно замечательную запись о закупке двадцати мулов.

Мулов в крепости не было.

— Где мулы? — спросил Артём.

— На службе, — ответил Гай.

— Где именно?

— За пределами крепости.

— Все двадцать?

— Да.

— И когда вернутся?

— Как выполнят поручение.

— Какое?

Гай помедлил.

— Важное.

— Настолько важное, что о нём нельзя говорить?

— Именно.

Артём повернулся к Руфу:

— Нет.

— А сколько их вообще было?

— Два.

— Где они сейчас?

— Один сдох прошлой зимой. Второй укусил нашего писаря и был продан.

Артём посмотрел на Гая.

Тот поспешно добавил:

— Значит, девятнадцать мулов всё ещё выполняют поручение.

— Двадцать, — поправил Артём. — Согласно вашим документам.

— Тогда двадцать.

— Даже тот, который сдох?

— Господин, нельзя же требовать, чтобы животное продолжало службу после смерти!

— Вот именно это я и пытаюсь вам объяснить.

Руф отвернулся, но плечи его подозрительно дрожали.

* * *

После обеда появился Павел.

Он вошёл в канцелярию с корзиной хлеба и таким невинным выражением лица, будто всю жизнь мечтал исключительно о том, чтобы кормить проверяющих.

— Господин, вам принесли еду.

Артём поднял голову.

— Спасибо. Поставьте на стол.

Павел осторожно поставил корзину рядом с табличками.

Они встретились глазами.

Артём вспомнил предупреждение на обороте приказа.

«Павлу не верь. Никому».

Очень хотелось спросить, кто именно написал эту фразу.

Но ещё больше хотелось понять, почему Павел заранее знал о его прибытии.

— Вы давно здесь работаете? — спросил Артём на латыни.

— Достаточно давно.

— Нет.

— А раньше?

— Занимался строительством.

— Интересно. Каким?

Павел слегка напрягся.

— Разным.

— Например?

— Дорогами.

— А ещё?

— Мостами.

— А подземными сооружениями?

Павел медленно поднял глаза.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто интересуюсь местными достопримечательностями.

В дверях появился Руф.

— Господин, прибыл начальник канцелярии.

— Прекрасно, — сказал Артём. — Нам как раз не хватало начальства.

Павел отступил к стене.

— Я пойду?

— Идите.

Когда он вышел, Артём заметил под корзиной хлеба маленький сложенный листок.

Он развернул его.

На листке было написано по-русски:

«Не ищи пропавшее зерно. Ищи то, чего никогда не существовало».

Артём перечитал записку дважды.

Потом посмотрел на табличку с перечнем имущества.

Четыреста мешков зерна. Триста пар сандалий. Двадцать мулов.

И ещё одна строка, которую он прежде пропустил.

«Машина для подъёма камней. Одна единица. Передана в распоряжение особого строительства».

В графе стоимости стояла сумма, которой хватило бы на Артём провёл пальцем по записи.

— Вот ты где, — пробормотал он.

— Кто? — спросил вошедший Руф.

— Пока не знаю. Но подозреваю, что самый дорогой камнеподъёмник в истории человечества.

— У нас нет такого устройства.

— Я уже догадался.

— Тогда зачем за него заплатили?

Артём улыбнулся.

— Центурион, поздравляю. Вы только что задали первый правильный вопрос за весь день.

В эту минуту в канцелярию вошёл высокий мужчина в дорогой белой тоге с узкой пурпурной полосой. За ним следовали два писца и охранник.

Мужчина оглядел таблички, корзину хлеба и Артёма.

— Я Луций Кассий Приск, начальник провинциальной канцелярии. Мне сообщили, что здесь проводится проверка.

— Совершенно верно, — ответил Артём.

— По чьему распоряжению?

Артём протянул ему императорский приказ.

Приск прочитал документ.

И впервые за весь день Артём увидел человека, который испугался не проверки, а подписи под ней.

— Откуда у вас это? — тихо спросил чиновник.

— Доставил гонец.

— Когда?

— Сегодня.

Приск ещё раз посмотрел на печать.

— Этого не может быть.

— Почему?

Чиновник медленно свернул свиток.

— Потому что такой приказ уже поступал.

— Когда?

— Девять лет назад.

Даже Руф перестал переступать с ноги на ногу.

— И кому он был адресован? — спросил Артём.

Приск посмотрел прямо на него.

— Вам.

Артём выдержал паузу.

— Ну, — сказал он наконец, — теперь хотя бы понятно, почему я опоздал.

Но чиновник не улыбнулся.

— Господин Синиций, — произнёс он, — вам следует немедленно прекратить проверку.

— На каком основании?

— В интересах государства.

— Обычно именно после этих слов и начинаются самые интересные проверки.

Приск побледнел.

— Вы не понимаете, с чем имеете дело.

— Тогда объясните.

Чиновник подошёл ближе и понизил голос:

— Девять лет назад человек с таким же приказом исчез вместе с императорскими деньгами. После этого строительство закрыли, документы уничтожили, а всех причастных перевели или казнили.

— И что же строили?

Приск помолчал.

— Ворота.

— Какие ворота?

— Которые не должны были открываться.

Артём посмотрел на него, потом на запись о камнеподъёмной машине.

— У меня плохое предчувствие, — сказал он.

Руф положил руку на рукоять меча.

— Это опасно?

— Центурион, — ответил Артём, — когда в документах пропадает зерно, это воровство. Когда пропадают мулы — это уже наглость. Но когда исчезает целое строительство, о котором никто Он задумался.

— Это означает, что нам придётся проверить ещё и строителей.

Приск схватился за край стола.

— Вы не посмеете!

Артём посмотрел на него с искренним удивлением.

— Почему? У них тоже отчётность?

И тут за крепостной стеной раздался глухой удар.

Земля под ногами едва заметно дрогнула.

С полки упала восковая табличка.

Руф резко повернулся к окну.

— Что это было?

Приск закрыл глаза.

— Поздно, — прошептал он. — Они снова начали.

Глава 5. Строительство, которого нет

За крепостной стеной грохнуло так, что на столе подпрыгнули таблички. Артём инстинктивно пригнулся. Руф, наоборот, схватился за меч: центурион явно собирался арестовать виновного раньше, чем выяснит, что произошло.

— К оружию! — рявкнул Руф.

Писцы нырнули под стол. Гай Септимий, прибежавший на шум, прижал к груди корзину с хлебом, а потом спрятал её за спину. В крепости дрожали стены, зато торговец уже успел спасти самое ценное. Артём мысленно отметил: при эвакуации назначить Гая ответственным за провизию. Но не за её учёт.

Артём поймал чернильницу у самого края стола. Отчётность пока удавалось спасти лучше, чем крепость.

— Сначала выясним, что взорвалось, — предложил он.

— У нас ничего не взрывается, — заявил Руф. — По крайней мере, в утверждённом расписании.

За стеной ударило снова. С потолка посыпалась пыль, и один из писцов, не вылезая из-под стола, деловито прикрыл таблички плащом. Даже землетрясение не освобождало от обязанности сохранить документы.

— С сегодняшнего дня, похоже, взрывается, — заметил Артём.

Луций Кассий Приск застыл у окна, вцепившись в подоконник. Артём впервые пожалел чиновника. Впрочем, если тот действительно знал, что творится за стеной, жалость следовало оформлять только после объяснительной.

— Вы сказали, они снова начали, — напомнил Артём. — Кто «они»?

— Вы не имеете права задавать этот вопрос.

— Удивительно. Императорский приказ у меня есть, а разрешение задавать вопросы, выходит, нужно получать отдельно.

— Это государственная тайна.

— Прекрасно. Тайна только что дважды ударила по стене.

Руф уже направлялся к выходу. Артём догнал его в коридоре.

— Центурион, сколько людей вы можете взять, чтобы не оставить крепость без охраны?

— Десять.

— Возьмём четверых.

— Почему четверых?

— Если там пусто, десять солдат только поднимут шум. Если там засада, нам и десяти мало. Четверо хотя бы смогут незаметно разведать дорогу.

Руф задумался.

— Рассуждение трусливое, но разумное.

— Спасибо. На прежней работе я называл это осторожностью. Начальство предпочитало слово «трусость».

* * *

За восточной стеной склон спускался к старой дороге. Кусты цеплялись за края колеи, а над холмами тянулась полоска пыли. Кто-то ездил здесь регулярно. Каменоломня числилась закрытой девять лет, но, судя по дороге, забыла об этом прочитать.

— Там каменоломня? — спросил Артём.

— Была, — ответил Руф. — Закрыта девять лет назад.

— Удобное совпадение.

— Почему?

— Девять лет назад закрыли каменоломню, девять лет назад исчезли записи… Похоже, тот год здесь прошёл особенно бурно.

— Я занимался.

— Верю. Поэтому вы единственный, кто здесь ещё не украл двадцать мулов.

Руф хмыкнул.

У боковых ворот они застали Гая Септимия. Торговец уже успел утомить караульного рассказом о пользе местных проводников и почти убедил его, что проводнику полагается бесплатный обед.

— Я знаю местность! — уверял торговец, стараясь заглянуть караульному через плечо.

— А мы знаем, что ты здесь ищешь выгоду, — отрезал — Господин Синиций! — воскликнул Гай, увидев Артёма. — Я решил оказать содействие.

— Бесплатно?

Торговец замялся.

— В разумных пределах.

— Тогда оставайтесь здесь. Это самые разумные пределы.

— Но на холмах опасно!

— Вот и не ходите.

Гай поджал губы, но от дороги глаз не отвёл. Артём заметил это сразу. Торговец смотрел на холмы не с тревогой за отряд — скорее прикидывал, успеют ли проверяющие добраться до чего-то, что он предпочёл бы спрятать.

Через милю кусты расступились, дорога расширилась. В глубокой колее отпечатались следы тяжёлых повозок. Для закрытого предприятия здесь было подозрительно оживлённое движение. Артём знал такие объекты и в Москве: на бумаге — пустырь, за забором — три смены и директор с отпуском на Кипре.

— Закрытая каменоломня, — сказал Артём, присев у колеи. — А повозки, судя по всему, об этом не знают.

— Здесь возили камень, — заметил Руф.

— Да. Причём недавно. Смотрите, края следов ещё не осыпались.

Один из легионеров поднял с земли обрывок верёвки. На ней сохранилась синяя краска.

— Такая верёвка у наших грузовых повозок, — сказал он.

— А наши повозки здесь не ходили, — отрезал Руф.

Артём выпрямился.

— Запомните это. Позже сравним со складскими табличками.

— Ты всё записываешь? — спросил центурион.

— Не всё. Только то, что потом кто-нибудь непременно попытается отрицать.

* * *

За поворотом дорогу перегораживал деревянный заслон. За ним, в каменной котловине, десятки людей тащили блоки, крутили ворот вытягивалась цепь с огромной рамой. «Закрыто на реконструкцию», — мысленно прочёл Артём невидимую табличку. Реконструкция, похоже, уже съела весь гарнизонный бюджет.

— Вот и наша машина для подъёма камней, — сказал Артём.

Руф стиснул челюсти.

— Этого здесь быть не должно.

— Согласен. Особенно после того, как её стоимость списали целиком.

На заслоне стояли двое вооружённых охранников. При виде римских солдат они выпрямились.

— Доступ запрещён, — заявил старший.

— Кем? — спросил Руф.

— Особым распоряжением.

— Покажи.

Охранник замялся и посмотрел на товарища. Тот изучал собственные сандалии с таким усердием, словно именно там хранилась копия распоряжения.

— Распоряжение устное.

Артём оживился.

— Устное распоряжение? Удобно. Никто не покажет, никто не оспорит. Кто отдал?

— Начальство.

— Какое?

— Высокое.

— Выше башни? — машинально спросил Артём.

Руф посмотрел на него с подозрением.

— Это у тебя такой способ определять должности?

— Пока работает.

Из-за заслона вышел коренастый мужчина в кожаном переднике. Каменная пыль покрывала лицо и плечи, а руки оставались чистыми. Артём знал этот тип начальников: если на стройке что-нибудь падало, они первыми требовали выяснить, кто неправильно держал отчёт.

— Я заведую работами, — сообщил он. — Что вам нужно?

— Здесь нет документов.

— Тогда оборудование.

— Оборудования тоже нет.

За его спиной с тяжёлым скрипом поднялась деревянная рама с огромным каменным блоком. Оборудование, которого «не было», работало на удивление исправно.

Артём посмотрел на неё.

— Хорошо, что вы предупредили. А то я бы по ошибке принял это за оборудование.

Рабочий нахмурился.

— Вы кто такой?

— Человек, которому поручили найти то, чего не существует.

— Значит, вы ошиблись местом.

— Возможно. Но пока это самое подходящее место из всех, где я сегодня был.

Руф положил ладонь на меч.

— Пропусти нас.

— Не могу.

— Тогда я тебя арестую.

— За что?

— За препятствие центуриону.

— Такого преступления нет!

— Сейчас будет, — спокойно ответил Руф.

Охранники переглянулись и отступили.

* * *

В котловине пахло сыростью, смолой и горячим железом. За строительными лесами высилась стена из огромных плит, пригнанных друг к другу почти без зазоров. На склад или укрепление она не походила. Посередине стояли высокие тёмные ворота.

— Ворота, — тихо сказал Артём.

— Не похожи на городские, — заметил Руф. — За ними скала.

— Это меня и беспокоит.

У основания ворот работали четверо мастеров. Они закрепляли подошёл ближе и увидел, что знаки повторяются через равные промежутки.

— Кто проектировал эту конструкцию? — спросил он.

Заведующий работами неохотно ответил:

— Чертежи старые. Мы только восстанавливаем.

— По чьему приказу?

— Мне платят за работу, не за вопросы.

— Счастливый человек. А мне как раз за вопросы.

У лесов стоял ящик с металлическими деталями. Артём поднял тонкую пластину с безупречно ровными отверстиями. Местный кузнец мог изготовить такую разве что при условии, что ему сначала выдадут станок из будущего. И три экземпляра заявки на его получение.

Он взял пластину.

— Откуда это?

— Из старых запасов, — ответил заведующий.

— Каких именно?

— Остались после прежних мастеров.

На обратной стороне пластины виднелись почти стёртые буквы. Артём повернул её к свету.

Не латынь.

Английский.

«CONTROL».

Он осторожно положил пластину обратно.

— Руф, — произнёс Артём, — мне нужен список всех, кто здесь работает.

— Зачем?

— Хочу узнать, кто из них умеет делать вещи, которых ещё не изобрели.

— Это колдовство?

— Если бы. Колдовство обычно проще объяснить.

* * *

Пока Руф собирал рабочих, Артём заглянул под боковой навес. Корзины с едой, две бочки масла, мешки зерна. На мешках — голодали, а на официально несуществующей стройке действовала полноценная столовая. В московской терминологии это называлось «оптимизация расходов».

— Вот куда отправились наши завтраки, — пробормотал он.

Из-за навеса выглянул молодой раб с испуганными глазами.

— Ты здесь работаешь? — спросил Артём.

Юноша не стал спорить.

— Кто привозит еду?

— Повозки из крепости, господин.

— Кто распоряжается поставками?

— Человек с перстнем. Он приходит ночью.

— Как выглядит перстень?

Юноша показал на собственном пальце круг.

— На нём птица. Две головы.

У Артёма похолодело внутри.

Двуглавый орёл.

Точно такой же знак был на восковой печати приказа, который прибыл к нему утром. Для римского чиновника этот символ выглядел бы чуждым. Для Артёма — слишком знакомым.

— Ты уверен? — спросил он.

— Я видел близко. Он ударил меня этой рукой.

— А имя знаешь?

Юноша отрицательно мотнул головой.

— Его называют Смотрителем.

Раздался резкий свист.

Раб вздрогнул и исчез за навесом. На противоположном краю котловины двое людей поспешно накрыли тканью какую-то длинную конструкцию. Руф заметил движение и двинулся туда.

— Стойте! — крикнул он.

Один из людей побежал.

— Ну конечно, — вздохнул Артём. — Как только начинаешь проверять склад, обязательно кто-нибудь убегает. Это уже международная традиция.

Руф сорвался с места, за ним бросились легионеры.

Артём бросился следом и через несколько шагов проклял римские сандалии. Руф мчался по камням уверенно, будто ему вместе с воинским званием выдали запасные ноги. Артёму же выдали ремешки, которые при каждом повороте пытались расторгнуть договор с его ступнями.

Беглец метнулся между штабелями камня и исчез в узком проходе. Артём свернул за ним и едва не налетел на закрытую дверь, вделанную прямо в скалу.

За дверью послышался металлический лязг.

Потом — тишина.

Руф прибежал через несколько мгновений.

— Где он?

— Внутри.

— Ломать?

— Подождите. Сначала посмотрим, куда она ведёт.

Артём ощупал дверь. Рядом с железной петлёй была выцарапана надпись. Он смахнул пыль рукавом.

Русские слова.

«ВЫХОД ТОЛЬКО ПОСЛЕ ЗАПУСКА».

Руф заглянул через плечо.

— Что там написано?

Артём помедлил. Перевести надпись дословно означало объяснять центуриону, что где-то за дверью собираются запускать нечто, для чего предусмотрен выход только после запуска. Он решил начать с более понятной части — правил безопасности.

— Инструкция по технике безопасности.

— И что она велит?

— Не делать глупостей.

— Разумная инструкция. Открывай.

— Вот именно с этого пункта у нас обычно и начинаются нарушения.

Он потянул за кольцо. Дверь не поддалась.

За стеной тихо щёлкнуло. Затем протяжно заскрежетала тяжёлая задвижка.

— Руф, отведи людей.

— Почему?

— Потому что мне очень не нравится, когда неизвестный механизм начинает работать после того, как на двери появляется слово «запуск».

Руф без споров махнул солдатам отступать. Артёма насторожила такая сговорчивость: обычно центурион требовал сперва увидеть опасность, потом ударить её мечом и лишь затем обсуждать меры предосторожности.

Они отошли к каменному выступу.

Из скалы потянулся низкий гул. Он нарастал без пауз; железные крепления на лесах мелко задрожали. Один рабочий выронил молоток. Остальные поняли намёк и побежали к выходу.

Большие ворота в стене медленно осветились по краям.

— Это огонь? — спросил Руф.

— Не знаю.

— Ты же всё знаешь!

— Центурион, я умею организовывать праздники. Максимум, что я должен был сегодня запускать, — фейерверк. И тот по согласованию с пожарными.

— Кто такие пожарные?

— Люди, которые очень не любят такие звуки.

Гул оборвался.

На несколько мгновений стало совершенно тихо.

Из-за ворот послышался голос. Слова глухо отдавались под сводом, но Артём разобрал каждое.

— Артём Синицын. Если вы меня слышите, не позволяйте им завершить третий цикл.

Руф схватился за меч.

— Кто это говорит?

Артём смотрел на ворота.

Он узнал голос.

Ещё вчера в Москве его обладатель требовал объяснить, почему дополнительный шатёр на историческом фестивале поставили без перекроить историю. Карьерный рост, конечно, впечатляющий, но отдел кадров едва ли одобрил бы должностную инструкцию.

— Это невозможно, — прошептал Артём.

Голос за воротами продолжил:

— И ещё одно. Павел здесь не девять лет. Он был среди тех, кто построил устройство.

После этого свет погас.

Руф повернулся к Артёму.

— Кто такой Павел?

Артём медленно выдохнул.

— Наш кладовщик.

— Тогда почему он строил ворота?

— Вот это, центурион, мы сейчас и спросим.

На дороге к крепости показалась повозка. Из-под колёс летела пыль; возница так гнал лошадей, что прохожие поспешно сходили с дороги.

— Только сначала надо выяснить, кто ещё сегодня решил нас удивить.

На повозке стоял Гай Септимий. Он размахивал руками и что-то кричал.

Когда повозка приблизилась, слова стали различимы:

— Господин Синиций! В крепость прибыл новый приказ! Вас требуют немедленно арестовать!

Артём прикрыл глаза. На московских фестивалях его хотя бы предупреждали об отмене мероприятия. Здесь сначала запускали неизвестные ворота, затем присылали приказ об аресте организатора. Впрочем, порядок согласований оставался удивительно знакомым.

— Вот теперь, — сказал он, — мероприятие окончательно вышло из-под контроля.

Глава 6. Арест по предварительной записи

— Арестовать? — переспросил Артём. — Меня? Прямо сейчас? А предварительная запись у вас предусмотрена? Я сегодня вообще-то занят.

Гай Септимий, стоя в повозке, закивал так усердно, что едва не потерял равновесие.

— Приказ доставлен из канцелярии наместника. Два свидетеля, печать, подпись. Всё как положено! — Гай произнёс это с гордостью человека, которому наконец доверили бумагу важнее накладной на репу.

— И что написано?

— Что вы опасный самозванец, проникший на военный объект под видом императорского уполномоченного. И, кажется, ещё мешаете нормальной работе канцелярии.

Артём покосился на ворота в скале. Оттуда только что доносился голос его московского начальника — человека, который боялся даже застрять в лифте. Теперь к невозможным воротам прибавился приказ об аресте.

— Руф, — сказал он, — у вас здесь вообще бывают дни, когда никто никого не арестовывает? Или это считается государственным праздником?

— Бывают. В праздник Сатурналий, например.

— А сегодня?

— Сегодня не праздник.

— Очень жаль. Я бы с удовольствием отметил. Особенно если по случаю праздника арестуемых отпускают домой.

Центурион спустился к повозке и потребовал документ. Гай передал ему восковую дощечку. Руф прочёл приказ, нахмурился и протянул его Артёму.

— Здесь сказано задержать вас и передать особому отряду, который прибудет до заката.

— Особому — это хорошо. Обычные отряды мне уже надоели.

— Но приказ подписан Луцием Кассием Приском.

Артём вспомнил Приска: ещё час назад чиновник трясся над старым распоряжением.

— Приск сейчас в крепости?

— Был, когда я выезжал, — ответил Гай. — Потом куда-то исчез. Я искал его, чтобы получить деньги за дорогу.

— Разумеется, — сказал Артём. — Государственное преследование без возмещения дорожных расходов — это уже не правосудие, а самодеятельность.

— Наконец-то вы меня понимаете!

Артём снова взял табличку. Писец старался: строки ровные, буквы аккуратные. Печать, правда, поставили так, словно чиновник спешил на обед. А дата оказалась ещё интереснее.

— Руф, какой сегодня день по местному календарю?

Центурион ответил.

— А здесь какой?

Руф всмотрелся в надпись. Брови его поползли вверх.

— Завтрашний.

Гай возмущённо развёл руками:

— Ну и что? Писец мог перепутать день!

— Писец составил приказ на завтра, — сказал Артём. — Либо ошибся, либо у вас тут уже внедрили электронное правительство. Без электричества, зато с опережением графика.

Руф помолчал, затем вернул дощечку гонцу, сидевшему на козлах.

— До выяснения обстоятельств уполномоченный остаётся под моей охраной.

— То есть вы его арестуете? — обрадовался Гай.

— То есть я не позволю никому его забрать.

— Но приказ!

— Приказ завтрашний. Пусть завтра и действует.

Артём с уважением посмотрел на центуриона.

— Марк Флавий, если когда-нибудь откроете юридическую фирму, я стану вашим первым клиентом. Только не берите плату — Что такое фирма?

— Место, где люди за деньги спорят о том, что и так всем ясно.

— У нас это называется сенат.

* * *

В крепость возвращались окольной тропой. Между холмами пахло мокрым камнем и тимьяном. Два разведчика шли впереди, десяток легионеров прикрывал тыл. Гая с повозкой оставили у дороги: тот потребовал расписку о том, что его бросили не по собственной инициативе.

— Почему мы прячемся? — спросил Артём.

— Потому что особый отряд не станет ждать заката, если узнает, где вы находитесь.

— А вы откуда знаете?

— Я служил двадцать семь лет. Если человеку велят прийти вечером, а он получает премию за скорость, он придёт утром.

— У нас это называется инициативой. За неё иногда даже награждают — пока не выяснится, кто разрешил.

— У нас тоже. Только потом кого-нибудь хоронят.

Шутить расхотелось. Перед глазами Артёма стояли светящиеся ворота, а в голове звучало предупреждение бывшего начальника: «Не позволяйте им завершить третий цикл». Почему тот говорил загадками, вместо того чтобы объяснить всё сразу?

— Руф, — спросил Артём, — вы когда-нибудь слышали о строительстве в той котловине?

— Девять лет назад туда отправляли людей. Много. Мой брат возил камень.

— Что с ним стало?

— Вернулся. Но перестал рассказывать о работе.

— Из-за приказа?

— Нет. Он говорил, что однажды увидел в скале нечто, чего там быть не могло.

— Что именно?

Руф остановился у развилки.

— Море.

Артём уставился на него. Море в скале не укладывалось ни в одну из версий, которые он успел придумать. Даже в самую безумную, где римляне тайно изобрели московское метро.

— В скале?

— Он сказал, что за воротами было море. И город на берегу. Огромный город, где дома светились ночью без факелов. После этого брат ушёл со службы. Теперь разводит пчёл и никому не верит.

— Мудрый человек, — пробормотал Артём.

— Пчёлы его тоже не любят. Он пытался ввести для них расписание вылетов.

* * *

У крепости ворота оказались заперты.

На стене стоял незнакомый офицер в начищенном панцире. Рядом с ним Артём заметил шесть солдат без знаков гарнизона.

— Назовите себя! — крикнул офицер.

Руф вышел вперёд.

— Центурион Марк Флавий Руф. Откройте ворота.

— По распоряжению наместника вход ограничен. Передайте задержанного.

— Какого задержанного?

— Не испытывайте моё терпение, центурион.

Руф сложил руки на груди.

— Молодой человек, когда я начал службу, вашего отца ещё заставляли мыть полы в казарме. Моё терпение пережило три восстания и двух командиров. Один из командиров тоже любил ссылаться на приказ. Где он теперь, лучше не спрашивайте.

Артём высунулся из-за плеча Руфа — ровно настолько, чтобы его услышали, но не успели схватить.

— Скажите, а вы приказ читали?

— Разумеется!

— Тогда должны знать, что он вступает в силу завтра.

Офицер замялся.

— Это несущественно.

— Для вас, возможно. А вот для чиновника, который составил документ, существеннее некуда. Представьте: в отчёте написано, что вы арестовали меня сегодня, а приказ получили завтра. Начальство решит, что вы предсказываете будущее. И заставит заранее сдавать отчёты за весь год. Вы этого хотите?

На стене кто-то прыснул. Офицер налился краской.

— Вы издеваетесь над императорской властью?

— Напротив. Я защищаю её от ошибок делопроизводства. Между прочим, совершенно бесплатно. Пока.

Руф тихо произнёс:

— Продолжайте. Он начинает думать.

— И ещё, — добавил Артём, — у меня на руках приказ о проверке снабжения. Если вы мешаете мне войти, придётся записать, что гарнизон уклоняется от императорской ревизии. С указанием вашего имени.

Офицер посмотрел на табличку, затем на легионеров. Оглянулся за стену, но помощи оттуда ждать не приходилось.

— Открыть малую калитку, — процедил он. — Только центуриону и уполномоченному. Остальные ждут.

— С удовольствием, — сказал Артём. — Наконец-то цивилизованный подход к незаконному аресту: проход по одному, без давки.

* * *

Во дворе их ожидала Ливия Корнелия.

Женщина в дорожной одежде держала две восковые таблички и разглядывала их с раздражением бухгалтера, которому принесли отчёт без единой сходящейся цифры.

— Артемий Синиций? — спросила она.

— В документах — да. В жизни сложнее.

— Ливия Корнелия. Я веду переписку по делам моего дяди, который отвечает за часть строительных поставок.

— Соболезную вашему дяде.

— Ему пока не требуется сочувствие. А вот вам — возможно. Я видела приказ о вашем аресте.

— Здесь его уже видели все, кроме местных пчёл. Хотя, судя по порядкам, им скоро тоже выдадут копию под роспись.

— И заметила ошибку в дате.

Артём подался вперёд.

— Вы тоже?

— Нет. Я заметила другую ошибку. Печать принадлежит не канцелярии Приска.

Она протянула табличку. На ней был аккуратно отпечатан знак с изображением орла и двух скрещённых ключей.

— Это знак закрытого строительного управления, — пояснила Ливия. — Его упразднили девять лет назад.

Руф нахмурился.

— Я слышал о нём.

— Многие слышали. Немногие дожили до того, чтобы обсуждать его вслух.

Артём покосился на неё.

— Вы всегда так ободряете новых знакомых? Или мне достался особый тариф?

— Только тех, кто собирается прожить до вечера.

Ливия понравилась ему сразу. Не настолько, чтобы посреди осады звать её на ужин, но достаточно, чтобы перестать чувствовать себя единственным человеком в крепости, который умеет читать документы.

— Зачем вы мне помогаете?

— Потому что мой дядя пропал три дня назад. Перед исчезновением он получил приказ проверить поставки на строительство, которого официально нет.

— Похоже, у нас общий работодатель.

— И общий противник, — сказала Ливия. — Если вы действительно тот, за кого себя выдаёте.

— А если нет?

— Тогда вы хотя бы умеете читать счета. В этой крепости это уже квалификация, позволяющая командовать гарнизоном.

* * *

Вечером они собрались в комнате над оружейной: Артём, Руф и Ливия. На столе лежали два приказа, ведомость поставок и четыре левые сандалии, которые Артём принёс как наглядное пособие.

— Зачем обувь? — спросила Ливия.

— Чтобы помнить, с чего всё началось.

— Вы всегда приносите на совещания сандалии?

— Только когда у расследования нет правой стороны. А ещё они помогают не забыть, что мы ищем преступника, а не открываем обувную лавку.

Руф хмыкнул. Ливия рассмеялась — неожиданно звонко.

Они сравнили печати. На старом приказе, полученном Артёмом утром, был знак императорской канцелярии. На новом — орёл с ключами. А почерк обоих документов оказался одинаковым.

— Один писец, — сказала Ливия.

— Или один человек, который копирует его руку, — уточнил Артём.

— Вы подозреваете подделку?

— Я подозреваю, что кто-то очень любит оформлять документы задним числом. Иногда даже передним. Такой талант — и пропадает без налоговой инспекции.

Руф указал на строку в ведомости.

— Здесь поставки камня прекращены девять лет назад. Но ниже стоят новые записи.

Ливия наклонилась.

— Три дня назад. В день исчезновения моего дяди.

— Сколько камня?

— Двенадцать повозок.

— Кто принял?

Ливия прочла имя. Улыбка исчезла с её лица.

— Павел.

Артём откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок.

— Ну конечно. Наш кладовщик. Человек широких интересов: зерно, масло, строительство ворот между эпохами. Ему бы ещё тендеры доверить — и Рим можно закрывать на инвентаризацию.

— Потом объясню. Сначала найдём Павла.

Но искать его не пришлось.

В дверь постучали. Молодой легионер просунул голову в комнату.

— Центурион, кладовщик Павел исчез. Его нашли не на складе, а в списке заключённых.

— Что значит «нашли в списке»? — спросил Руф.

— Там записано, что его должны казнить завтра на рассвете. По приказу особого управления.

Артём отодвинул табличку.

— А сам Павел где?

— Никто не знает.

Ливия взглянула на вторую табличку.

— Здесь тоже завтрашняя дата.

— Удивительно предусмотрительные люди, — сказал Артём. — Сначала составляют отчёт, потом создают событие. В Москве за такую экономию времени дали бы премию. А потом завели бы дело.

Из двора донёсся крик. За ним — звон металла и топот ног.

Руф вскочил и распахнул ставни.

У ворот крепости стоял тот самый особый отряд. Теперь солдат было не шесть, а не меньше тридцати. Их командир поднял факел, и на его панцире блеснул знак двух скрещённых ключей.

— По приказу наместника! — прокричал он. — Выдать самозванца Артемия Синиция и женщину Ливию Корнелию!

Ливия повернулась к Артёму. По её лицу было видно: знакомство она уже успела оценить.

— Поздравляю. Мы знакомы меньше часа, а меня уже разыскивают вместе с вами. Обычно для такого хотя бы знакомят с родителями.

— Обычно я произвожу впечатление быстрее, — ответил Артём. — Но сегодня немного устал. И родители, к счастью, остались в другой эпохе.

Руф затянул ремень меча.

— Что будем делать?

Артём оглядел стол: четыре левые сандалии, два приказа, ведомость. За окном метались факелы. Он когда-то жаловался на затянутые совещания в Москве. Теперь готов был лично извиниться перед каждым участником.

— Для начала, — сказал он, — объявим, что проверка продолжается.

— А потом?

— Потом найдём запасной выход. В любой приличной организации он должен быть. Даже если организация собирается нас арестовать.

Руф криво улыбнулся.

— Здесь есть старый подземный ход. Его замуровали девять лет назад.

Артём повернулся к Руфу:

— Скажите, центурион, у вас вообще что-нибудь не связано с девятью годами назад?

— Есть, — ответил Руф. — Моё жалованье. Его не повышали двенадцать лет. Зато обещают пересмотреть каждый год.

Артём расхохотался — некстати, зато от души.

Снаружи ударили в ворота.

Второй раз — сильнее.

А третий удар прозвучал уже из-под пола.
Кто-то стучал снизу.

Глава 7. Запасной выход для особо важных преступников

Снизу опять постучали.

Три коротких удара, пауза, ещё два. Не иначе подпольное отделение канцелярии требовало открыть приём граждан.

Артём посмотрел на Руфа.

— Скажите, у вас под канцелярией кто-нибудь живёт?

— Крысы.

— Крысы у вас, я смотрю, дисциплинированные. Стучат по уставу. У нас в оргкомитете даже люди так не умели.

Снаружи в ворота ударили тараном.

Ливия сгребла со стола таблички.

— Если у вас есть план, самое время им поделиться.

— Есть, — ответил Артём. — В идеале пережить следующие пять минут. В перспективе — ещё несколько лет.

— Это не план, а пожелание, — отрезала Ливия. — Причём довольно скромное.

— Тогда план номер два: найти того, кто стучит снизу.

Руф отодвинул от стены тяжёлый сундук, присел и подцепил ножом край плиты. В щели блеснуло железное кольцо.

— Девять лет назад этот проход приказали закрыть, — сообщил он.

— А вы не закрыли?

— Закрыл. Но не настолько, чтобы самому не выбраться.

Артём оценил находку.

— Уважаю, — сказал Артём. — Приказ выполнили, но запасной выход оставили. Вот что значит грамотное освоение бюджета.

Плита с тяжёлым скрежетом пошла вверх.

Из темноты раздался голос:

— Если вы закончили совещание, спускайтесь! У меня здесь не приёмная, а вас, судя по грохоту, уже обслуживают без очереди!

Артём застыл с одной ногой на ступеньке.

— Павел?

— Нет, император Адриан. Решил лично проверить канализацию. Конечно, Павел!

Ливия взяла светильник.

— У вашего знакомого, похоже, весьма своеобразные манеры.

— Зато быстро отвечает. У нас на такие вопросы положено тридцать рабочих дней.

Они протиснулись на узкую лестницу. Руф вернул плиту на место. Сквозь камень ещё доносились требования особого отряда открыть ворота.

Внизу пахло сыростью, известью и старой водой. Павел стоял с факелом возле кирпичной кладки.

— Быстрее, — сказал он. — У нас мало времени.

— Вы вчера утверждали, что не знаете подземных сооружений, — напомнил Артём.

— Я говорил, что строил дороги и мосты.

— А это что?

— Дорога под землёй.

— Дорога под землёй. Понятно. Значит, мост — это когда потолок не обрушился?

Павел лишь крепче перехватил факел.

Руф подошёл вплотную к кладовщику.

— В списках ты значишься приговорённым. Почему?

— Потому что кое-кому очень хочется, чтобы я не дожил до утра.

— А мне хочется получить жалованье, — заметил Руф. — Но я же не объявляю казначея государственным преступником. Хотя мысль полезная.

Ливия подняла светильник к стене. На камне проступал знак двух скрещённых ключей.

Тот самый, что был на панцире командира особого отряда.

— Значит, они уже здесь были, — сказала она.

Павел отвёл взгляд.

— Они никогда отсюда не уходили.

За поворотом они вышли в коридор пошире. В нишах чернели фитили давно погасших светильников. Пол пересекали две глубокие колеи.

— По ним возили камни? — спросил Артём.

— Иногда, — ответил Павел.

— А чаще?

— Не камни.

— Прекрасно. Один вопрос — два слова, и оба бесполезные. Вы случайно не руководили отделом отчётности?

Павел остановился у двери, обитой железными полосами. Запирали её снаружи, но засов держался на одном-единственном гвозде.

— Здесь раньше находилась мастерская, — объяснил он.

— Чья?

— Тех, кто строил ворота.

— И что с ними стало?

Павел уставился на дверь.

— Их больше нет.

— Вы отвечаете так, что я начинаю скучать по допросу, — заметил Артём. — Там хотя бы вопросы задавал не я.

Руф отодвинул засов и толкнул дверь плечом.

Внутри стояли столы, покрытые пылью, медные инструменты, весы и каменные плиты с нанесёнными на них кругами. В дальнем углу лежала груда сломанных деревянных рам. На стене кто-то процарапал десятки одинаковых отметок.

Ливия подошла к ним.

— Это дни?

— Попытки, — ответил Павел.

Зарубки теснились одна к другой. Артём принялся считать и бросил после третьего ряда.

— Попытки чего?

— Открыть проход.

— И сколько раз получилось?

— Один.

— Один успех на сколько-то сотен попыток? — Артём оглядел зарубки. — Отлично. Если бы вы продавали билеты, вас бы уже закрыли за мошенничество.

Павел поднял с пола металлическую пластину размером с ладонь. На одной стороне виднелись римские цифры, на другой — выцарапанная русская буква «А».

— Девять лет назад здесь появился человек, — сказал он. — Он знал устройство машины. Знал, что произойдёт. И утверждал, что должен дождаться другого.

— Меня?

— Возможно.

— Как его звали?

— Он называл себя Андреем.

Артём сжал челюсти. Ещё вчера он думал, что хуже всего в Древнем Риме без горячего душа. Теперь оказалось, что здесь пропадают соотечественники, причём один из них, похоже, знал о его прибытии заранее.

— А где этот Андрей?

— Исчез при первой успешной попытке.

— Ушёл домой?

— Никто не знает.

— Вы-то как сюда попали?

Павел устало потёр лицо.

— Работал инженером. В наше время. Меня наняли проверить старое оборудование на закрытом объекте. Я вошёл в помещение, где стояла такая же металлическая рама. Свет погас. Когда включился — вокруг были римляне.

— А потом девять лет вели складской учёт? Это самая суровая программа переподготовки инженеров, какую я встречал.

— Потом меня заставили помогать строить эту машину. Когда я отказался, меня отправили на склад. Так было проще следить за мной.

— Кто заставил?

— Люди с двумя ключами.

— Особое управление, — сказал он. — Они утверждают, что охраняют интересы императора. Но их приказов не видит даже начальник гарнизона.

— Прекрасная организация, — сказал Артём. — Приказы секретные, начальство невидимое, виноватых нет. Осталось только повесить табличку «Работаем для вас».

Ливия внимательно изучала медную пластину.

— Здесь не только числа. Это координаты.

— Вы уверены? — спросил Павел.

— Мой отец занимался измерением земель. Такие знаки используют для расстояний и направлений. Но здесь есть ещё обозначения, которых я не знаю.

Артём вынул из кармана флешку.

— Может, вот эта штука поможет?

Павел резко обернулся.

— Уберите!

— Почему?

— Если машина почувствует её рядом, мы не успеем уйти.

В мастерской стало слышно, как потрескивает факел.

— Простите, — сказал Артём. — Машина что сделает?

Павел осёкся, но было поздно.

— Это не просто устройство из камня и металла. Оно реагирует на предметы, которые не принадлежат этому времени.

Артём посмотрел на свои кроссовки.

— Тогда у нас неприятность. Я тут целиком не по эпохе. Даже носки, и те из будущего.

Над головами грохнуло. Кто-то крушил плиту над лестницей.

— Они нашли проход, — сказал Руф.

— Вы уверены?

— Когда солдаты ломают камень, — ответил Руф, — это редко бывает подготовкой к празднику.

Павел подхватил факел.

— В мастерской есть второй выход. Но придётся пройти через старый водосброс.

— Иногда.

— А когда именно?

— Когда открывают заслонку.

— И кто её открывает?

Павел слишком долго подбирал ответ.

— Люди с двумя ключами.

Артём встретился глазами с Ливией. Она уже прикидывала, куда бежать.

— Значит, экскурсия по канализации. Хорошо хоть без билетов. Хотя, зная местную администрацию, счёт пришлют позже.

Водосброс оказался каменным тоннелем такой высоты, что идти приходилось в три погибели. Руф повёл отряд с мечом наготове; Ливия берегла огонь светильника, а Артём с Павлом шли следом.

— Почему вы нам помогаете? — тихо спросил Артём.

— Потому что иначе вас заберут.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

— Мне прислали записку, что вам нельзя верить.

Павел остановился.

— На приказе?

— Вы знаете о ней?

— Я видел такую же девять лет назад. Только тогда там было написано: «Не верь Андрею».

— И вы поверили?

— Нет.

— А зря?

— До сих пор не знаю.

Руф поднял руку, требуя тишины.

Впереди послышались голоса.

— У выхода двое, — прошептал центурион. — Возможно, трое.

Артём пригнулся у стены. В небольшой нише висел старый бронзовый гонг.

— Это для чего?

— Отлично. Руф, вы умеете командовать громко?

Руф выпрямился, насколько позволял потолок. Вопрос его явно задел.

— Я двадцать лет командую легионерами.

— Тогда объявляйте эвакуацию, — сказал Артём. — Только так, чтобы даже император на холме услышал и обиделся, что его не предупредили.

Артём снял с пояса пустой металлический кубок, найденный в мастерской, и ударил им по гонгу.

Гул разнёсся по тоннелю.

— Заслонка открывается! — во всю глотку закричал Руф. — Всем покинуть водосброс!

Впереди раздались испуганные возгласы и топот.

Ливия с трудом сдержала смех.

— Они поверили!

— Они поверили! — Ливия всё ещё улыбалась. — Вы и вправду напугали их пустым кубком.

Они добежали до выхода. За решёткой виднелся склон холма, заросший кустарником. Руф одним ударом выбил проржавевший штырь, и решётка отворилась.

Выбравшись из тоннеля, Артём впервые за день оценил воздух как роскошь. В Риме он вообще начал ценить вещи, которые прежде предоставлялись бесплатно: дыхание, свободу и отсутствие вооружённой охраны.

Они выползли на склон. Над крепостью уже тянулся красный сигнальный дым.

— Нас ищут, — сказал Руф.

— Это я уже понял. Вопрос — насколько тщательно.

— До тех пор, пока не найдут.

— Отличная служба розыска, — пробормотал Артём. — С такой настойчивостью им бы потерянные посылки искать.

Ливия показала на дорогу у подножия холма. Там двигалась крытая повозка, сопровождаемая двумя всадниками.

На её борту был нарисован знак двух скрещённых ключей.

Павел резко побледнел.

— Не смотрите на повозку.

— Почему? — спросил Артём.

— В ней везут то, что вынесли из мастерской ночью.

Повозка подпрыгнула на камне. Край полотнища приподнялся.

Артём успел увидеть металлическую раму и укреплённую на ней пластину, покрытую светящимися знаками.

Флешка в ладони вдруг нагрелась.

Через секунду обожгла пальцы.

Он едва не выронил её.

— Павел, — сказал Артём, перекладывая флешку из ладони в ладонь, — ваша машина нагрела моё имущество. Куда подавать претензию?

Павел повернулся к нему.

— Тогда у нас ещё меньше времени, чем я думал.

— До чего?

— До следующего открытия ворот.

Над крепостью клубился дым. Повозка уходила всё дальше, и Артём понял: спорить сейчас — роскошь.

— Раз уж здесь всё по расписанию, — сказал Артём, — предлагаю выяснить, куда едет повозка. Желательно раньше, чем она тоже начнёт путешествовать во времени.

Руф скептически посмотрел на него.

— Нас четверо. У них вооружённая охрана.

— Именно. Поэтому нападать мы не будем.

— А что будем?

Артём прищурился, глядя на дорогу.

— Выездную проверку, — сказал Артём. — Без предупреждения. Это единственная профессия, в которой я здесь чувствую себя уверенно.

Ливия покачала головой.

— Вы действительно считаете, что любую беду можно решить проверкой?

— Нет, — признался Артём. — Но пока никто не догадался Они пошли по склону, держась за кустами, чтобы всадники не заметили их сверху.

Позади крепости снова прогремел удар — теперь такой сильный, что с холма посыпались мелкие камни.

Павел остановился и прошептал:

— Это невозможно. Раму ещё не доставили.

— Что невозможно? — спросил Артём.

Павел обернулся к крепости так резко, что едва не выронил факел.

— Ворота открываются. Без машины.

Артём забыл о повозке и уставился на Павла.

— Вот теперь, — сказал Артём, — я хочу увидеть инструкцию. И того гения, который написал в ней: «Может работать без оборудования».

Глава 8. Повозка с двойным дном

Повозка особого управления ползла по дороге с достоинством сенаторской процессии. Два всадника по сторонам разглядывали прохожих так, будто каждый уже задолжал казне, но пока не знает сколько.

Артём, Руф, Ливия и Павел притаились за низкой каменной оградой виноградника.

— Предлагаю действовать осторожно, — шепнул Артём.

— Это значит не разговаривать? — уточнил Руф.

— В идеале — да.

— Тогда почему вы разговариваете?

— Потому что я вношу предложение. Обсуждение предложения — отдельная услуга, — прошептал Артём.

Ливия спрятала улыбку. Павел в который раз ощупал сумку с документами.

— Нам надо вернуться к крепости, — сказал он. — Если там открываются ворота без рамы, случится беда.

— Какого размера? — спросил Артём.

— Не знаю.

— Прекрасно. Одну беду пережили, две следующие уже стоят в очереди. И обе, подозреваю, без талончиков.

Руф указал на дорогу. Повозка остановилась у постоялого двора. Возница спрыгнул на землю; один всадник пошёл к колодцу, другой скрылся за дверью.

— Теперь их двое возле груза, — сказал центурион.

— И что вы предлагаете?

— Подойти, обезоружить, забрать повозку.

— А потом?

— Уехать.

— Центурион, в вашем плане пропущена мелочь: погоня. Она обычно начинается сразу после слова «уехать», иногда ещё до того, как мы успеваем сесть.

— Я поговорю с хозяином двора.

— Зачем?

— Узнаю, куда направляется груз. И, возможно, почему охрана так нервничает.

— Как?

— Иногда достаточно задать вопрос так, чтобы человек решил, будто ответить — его собственная идея.

Артём проводил её взглядом.

— Она вернётся с ответом, — сказал Артём. — И, судя по нашему везению, с ответом, за который в Риме полагается отдельный арест.

— А здесь? — спросил Руф.

— Здесь, подозреваю, женятся.

Ливия вернулась через четверть часа. Артём за это время выяснил, что виноградник на картине и виноградник под животом — разные места. Муравьи успели провести собрание и единогласно признать его захватчиком.

— Груз везут в старый каменный карьер, — сообщила она. — Там находится склад управления. По документам — каменоломня, закрытая после обвала.

— А по факту? — спросил Артём.

— Там постоянно горят печи. Хозяин двора говорит, что ночью оттуда доносятся удары молотов.

Павел подался вперёд.

— Они перенесли мастерскую.

— Вы уверены?

— Я сам выбирал тот карьер. Девять лет назад.

Руф медленно повернул к нему голову.

— Ты говорил, что строил дороги.

— И строил. К карьеру тоже нужна дорога.

— Павел, у вас редкий дар: говорить чистую правду и с каждым словом выглядеть всё подозрительнее. Если вас допросят, вы случайно сознаетесь ещё и в похищении Луны.

С постоялого двора донёсся крик. Возница ругался на смотрели на разлитую воду, Артём заметил под днищем повозки железный ящик. Он был прикреплён отдельно от кузова, на коротких цепях.

— А вот и тайная статья расходов, — прошептал Артём.

— Что? — не понял Руф.

— Двойное дно. В кузове показывают красивую железяку, а самое интересное прячут снизу.

Павел выглянул из-за ограды. Лицо у него стало белее дорожной пыли.

— Там не должно быть ящика.

— Вы это уже говорили. Ящик, похоже, не получил распоряжения исчезнуть.

Артём вытащил из кармана синюю флешку. Она оставалась тёплой, но уже не обжигала ладонь. Когда повозка приблизилась к воротам двора, пластик слегка завибрировал.

— Возле груза она оживает, — заметил Артём.

— Не показывайте её, — попросил Павел.

— У вас вся инструкция из запретов? Не смотреть, не показывать, не подписывать. Где раздел «как остаться живым», или его выдают после испытательного срока?

— Я пытался остаться живым.

— А я пытаюсь понять, почему меня заранее записали в ваши документы.

Павел отвёл взгляд. Ливия это заметила.

— Он знает больше, — сказала она спокойно.

— Здесь все знают больше меня, — сказал Артём. — Даже муравьи. У них хотя бы есть план, распределение обязанностей и служба охраны.

И тут на дороге появился Гай Септимий.

Торговец ехал верхом на маленьком ослике, который, судя по морде, давно подал заявление об увольнении. На Гае был плащ с капюшоном, но скрыть его можно было разве что в городе, где все жители одновременно страдали близорукостью.

— Не может быть, — прошептал Руф.

— Он должен сидеть под арестом.

— Значит, арест у вас такой же надёжный, как снабжение. Человека посадили, бумагу оформили, а дальше — свободный рынок.

Гай подъехал к начальнику охраны и протянул ему табличку. Тот прочитал её, выругался и велел снять с повозки две амфоры. Торговец спорил, размахивал руками, а затем указал на дорогу к карьеру.

— Он их знает, — сказал Руф.

— Или снабжает, — заметила Ливия.

Артём поднялся.

— Пора познакомиться с поставщиком без секретаря и записи на приём.

— Вы собираетесь выйти к нему? — спросил Павел.

— Нет. Мы собираемся сделать так, чтобы он сам пришёл к нам.

Через пять минут Руф встал у дороги с видом человека, которому поручили охранять казну от самой казны. Ливия держала табличку. Артём набросил поверх современной одежды

старый плащ из сторожки виноградника и постарался придать лицу выражение чиновника, у которого обнаружился новый повод для проверки.

— Гай Септимий! — окликнул он. — Проверка перевозок!

Торговец чуть не свалился с седла.

— Вы?! Но вас же арестовали!

— Сведения устарели. Вышла новая редакция распоряжения. Я теперь проверяю тех, кто меня арестовывал.

— Вас ищут солдаты!

— И очень плохо ищут. Я вот стою прямо перед вами. Передайте им, что у меня сегодня приём до заката.

Гай попытался развернуть ослика. Ослик счёл вопрос закрытым и остался на месте.

— Куда направляется груз? — спросил Артём.

— Я не имею к нему отношения.

— Вы только что передали охране документ.

— Это торговые дела.

— Прекрасно. Значит, документ относится к торговле. А что вы продаёте — кроме убедительных объяснений?

— Амфоры.

— Пустые?

— Иногда.

— А сегодня?

Гай молчал. Руф кашлянул и положил ладонь на меч.

— Сегодня, — поспешно ответил торговец, — я доставляю масло для механизмов.

— Каких механизмов?

— Каменоломни.

— Закрытой девять лет назад?

— Камни, господин, не всегда осведомлены о закрытии предприятия.

Артём невольно оценил находчивость.

— Скажите, Гай, вы сами придумали или вам помогали?

— Что?

— Вашу систему. Зерно исчезает, мулы работают после смерти, сандалии приходят по одной ноге. А теперь закрытая каменоломня закупает масло для механизмов.

— В торговле бывают сложности.

— В торговле бывают скидки. У вас целое мировоззрение. И, боюсь, отдельная бухгалтерия для каждого преступления.

Гай облизнул губы.

— Если я расскажу, вы меня отпустите?

— Если расскажете правду, я хотя бы перестану задавать вопросы при свидетелях.

Торговец оглянулся на постоялый двор.

— В ящике под повозкой находится не товар. Там печати и списки. И ещё свинцовая пластина. Мне приказали перевезти её отдельно от рамы.

Павел шагнул вперёд так резко, что Гай отпрянул.

— Какая пластина?

— Я не читал. Она была завёрнута в ткань. На ней какие-то — Кто приказал?

Гай заколебался.

Ливия подошла ближе.

— Подумайте, Септимий. Если вы молчите, вас считают участником заговора. Если говорите, у вас появляется шанс доказать, что вы всего лишь необыкновенно неосторожный торговец.

— Я предпочитаю второй вариант, — быстро сказал Гай. — Приказ отдал Луций Кассий Приск.

Артём припомнил перепуганного чиновника из канцелярии.

— Приск говорил, что строительство закрыто.

— Он много чего говорит. Особенно когда рядом солдаты.

— И куда он велел везти пластину?

— В карьер. Сегодня до заката. Там будет человек из Рима.

— Имя?

Гай ответил коротким движением головы: нет.

— Я видел только его знак. Два ключа.

При словах о двух ключах Руф нахмурился.

— Выходит, это не просто эмблема охраны.

— Это знак тех, кто отдаёт приказы охране, — поправила Ливия.

Со стороны постоялого двора раздался свист. Начальник конвоя заметил, что Гай слишком долго разговаривает с незнакомцами. Двое всадников направились к ним.

— Всё, — сказал Руф. — Теперь мой план.

— Который заканчивается до последствий? — уточнил Артём. — Я просто хочу знать, на какой странице мне начинать жаловаться.

— Именно.

Центурион шагнул на дорогу и крикнул:

— Именем гарнизонного командования! Остановиться!

Всадники натянули поводья. Один узнал Руфа и выхватил меч.

Артём прикинул шансы: голая дорога, четверо пеших, двое всадников с мечами и торговец, которому не подчиняется даже собственный осёл. Последний пункт почему-то выглядел самым — Гай! — скомандовал он. — Ваш осёл умеет бежать?

— Когда захочет!

— А когда он захочет?

— Обычно когда я слезаю!

— Слезайте!

Гай послушался. Ослик действительно рванул с места — прямо между лошадьми. Одна шарахнулась в сторону, другая взвилась на дыбы. Руф выбил меч у ближайшего всадника, Ливия ударила второго по руке тяжёлой табличкой, а Артём, не желая оставаться безучастным, громко объявил:

— Конфискация транспортного средства!

Но конфискация не удалась: ослик уже мчался прочь с видом полководца, выигравшего сражение и решившего не дожидаться награждения.

Вскоре оба всадника сидели на земле, стянутые собственными ремнями. Руф собирал оружие, Ливия отряхивала платье, а Павел не сводил глаз с повозки.

— Мы не сможем увезти её незаметно, — сказал он.

— И не надо, — ответил Артём. — Нам нужен ящик.

Руф нашёл под днищем крепления. Одну цепь удалось снять, вторую пришлось перекусить кузнечными клещами, найденными у возницы. Ящик оказался небольшим, но неожиданно тяжёлым.

— Открывайте, — сказал Артём.

— Здесь? — спросил Павел.

— Нет, доставим в императорский дворец, соберём комиссию, составим опись и позовём музыкантов. Открывайте здесь.

Под крышкой лежали свёрнутые списки, три печати и узкая пластина тёмного металла. На ней были вырезаны знаки, напоминавшие одновременно латинские буквы и схему электрической цепи.

Флешка в ладони Артёма задрожала. На пластине вспыхнула тонкая синяя линия.

Павел отступил.

— Уберите её!

— Подальше от пластины!

Артём отдёрнул руку. Свет погас.

— Значит, это не совпадение, — произнёс он. — Моя флешка каким-то образом связана с вашей машиной.

— Не с машиной, — тихо сказал Павел. — С тем, кто её запустил.

— Кто?

Павел изучал пластину, не решаясь поднять глаза.

— Девять лет назад я видел такую же. На ней была дата. И имя человека, которого ещё не существовало в нашем времени.

— Моё?

— Нет.

Артём замер.

— Чьё же?

Павел поднял глаза.

— Моё собственное. И рядом стояла дата моего прибытия. День в день.

Издалека донёсся новый удар. Но теперь звук шёл не от крепости. Он пришёл со стороны карьера.

Ливия первой повернулась к холмам.

Над каменоломней поднималось узкое серебристое свечение — слишком ровное для дыма и слишком яркое для солнечного луча.

— Они начали раньше заката, — прошептал Павел.

Артём закрыл ящик.

— Значит, вопросов два: кто открывает ворота и зачем ему наши имена.

Руф поднял меч.

— А третий?

— Как добраться до карьера раньше, чем туда явятся остальные желающие нас арестовать.

— Это просто, — сказал центурион. — Пойдём старой дорогой.

— А почему ею не пользуются?

— Там обвал.

— Конечно, — сказал Артём. — В этой стране хорошие дороги существуют только в отчётах. Плохие, судя по всему, тоже, но ими хотя бы можно воспользоваться.

Он посмотрел на серебристое сияние над холмом. Мысль о возвращении домой впервые отступила на второй план.

Сперва надо было понять, что собирается явиться сюда из другого времени.

Глава 9. Дорога, которой нет на карте

За оливковой рощей тянулась старая дорога. Она петляла между двумя холмами и, если верить Руфу, упиралась в обвал.

— Насколько серьёзным? — спросил Артём.

— Проехать нельзя.

— А пройти?

— Если повезёт.

— Замечательно. Весь маршрут держится на удаче. У меня такие подрядчики обычно ещё просят аванс — за риск быть найденными.

Руф возглавлял отряд, то и дело проверяя следы на земле. За ним шла Ливия с кожаной сумкой, набитой захваченными документами. Павел берёг металлическую пластину, укутанную в несколько слоёв ткани. Артём и Гай Септимий держались позади.

Гай то и дело оборачивался: его повозка всё не появлялась.

— Мы бросили мою повозку, — сообщил он в седьмой раз. Артём начал подозревать, что у торговца не память, а неисправный гонг.

— Я помню.

— И моего осла.

— Осёл, судя по скорости, уже добрался до следующей провинции. Возможно, там его наконец назначат начальником каравана.

— Он дорогой.

— Тогда догонит нас и предъявит счёт. С пенями за моральные страдания.

Гай обиженно замолчал.

Через полчаса колея исчезла под камнями. Снизу доносился шум ручья, скалы стиснули тропу, а впереди путь перегораживала груда обломков.

Руф остановился.

— Вот обвал.

Артём прикинул, можно ли перебраться через камни.

— Девять лет. Обвал старый, а начальство всё ещё ждёт, пока камни сами напишут прошение об уборке.

Павел вскинул голову.

— Точно девять?

— В год, когда закрыли строительство.

Ливия опустилась на корточки и коснулась светлой царапины на камне.

— Тогда почему здесь свежие следы?

Руф присмотрелся. Между валунами была примята трава; в сырой земле сохранились отпечатки тяжёлых сандалий.

— Кто-то ходит здесь регулярно, — заключил центурион.

— Значит, дорога всё-таки существует, — сказал Артём. — Просто у неё пропускной режим. Даже скалы здесь работают на ведомство.

Артём вспомнил служебные проходы на стадионах, гостиничные двери без табличек и коридоры, по которым важных гостей уводили от толпы.

Официальная дорога кончалась у обвала. Настоящая, судя по следам, начиналась за ним.

Артём прибавил шаг.

* * *

Обойти завал оказалось непросто.

Расщелину Руф заметил лишь тогда, когда раздвинул колючие ветви у скалы. За кустами вниз уходили вырубленные в камне ступени.

— Здесь раньше не было ступеней, — произнёс он.

— Вы уверены?

— Я служу в этой крепости пятнадцать лет.

— А я видел, как за одну ночь перекраивали целую площадку для фестиваля, — ответил Артём. — Утром заказчик уверял, что так и было задумано. Особенно удивился фонтан, оказавшийся в гардеробе.

Павел спустился первым.

Через несколько шагов он остановился.

— Почему? — спросил Гай.

— Потому что я не знаю, что в них спрятано.

— После девяти лет тайн от вас трудно ожидать подробных инструкций, — заметил Артём. — Но табличка «не прислоняться» стоила бы недорого.

Ступени привели в тесный коридор с удивительно ровным потолком. При свете лампы Ливии проступали следы инструментов, железные скобы и прямоугольные ниши.

Павел провёл рукой по одному из них.

— Это не римская работа.

— Почему?

— Слишком точная.

Руф нахмурился. Римские строители, по его мнению, не нуждались в оценке человека, который девять лет не мог найти дверь.

— Римские строители умеют работать точно.

— Я не об этом, — ответил Павел. — Посмотрите на углы.

Артём наклонился. Углы были выведены так ровно, будто здесь поработал станок.

— А вот это мне уже знакомо, — сказал он. — Только обычно подобное делают в бетонной стене.

Ливия посмотрела на него.

— Что такое бетон?

— Долгая история. В вашем мире, кстати, тоже есть его разновидность. Только не спрашивайте, кто принимал работы: с тех пор прошло слишком много лет.

— Вы постоянно говорите «в вашем мире».

Артём замолчал.

Ливия продолжила:

— Павел знает ваш язык. Вы оба узнаёте вещи, которых здесь никто не видел. А ваше появление было предсказано заранее. Не пора ли перестать делать вид, будто всё объясняется секретными поручениями?

Гай насторожился.

— Я тоже хочу услышать объяснение. Особенно если в будущем существует способ вернуть осла без пешего путешествия.

— В будущем есть способы найти почти что угодно, — сказал Артём. — Но ваш осёл, похоже, освоил право на частную жизнь.

Он посмотрел на Ливию.

— Вы действительно хотите знать?

— Я уже рискую жизнью из-за ваших тайн. Было бы приятно хотя бы понимать, за какие именно.

Артём помедлил. Он рассчитывал отложить признание хотя бы до ужина. Желательно такого, после которого можно немедленно сбежать.

— Хорошо. Только обещайте не перебивать.

— Обещаю.

— Я родился примерно через девятнадцать веков после вас.

Гай собрался что-то сказать, но так и остался с открытым ртом.

Ливия подняла ладонь, останавливая его.

— Продолжайте.

— В моём времени есть города, где живут миллионы людей. Повозки ездят без лошадей. Корабли пересекают моря без парусов. А люди могут разговаривать друг с другом, находясь за тысячи миль.

Руф ответил отрицательным жестом.

— Без гонцов?

— Без гонцов.

— Тогда как они узнают, что сообщение доставлено?

— Вот тут, центурион, вы задали вопрос, который мучает человечество и в моём времени. Особенно когда сообщение прочитано, а ответа нет третий день.

Ливия даже не улыбнулась.

— А император?

— Что император?

— Кто правит вашей империей?

— Там всё сложнее. Империй в вашем понимании почти не осталось.

— Значит, вы пришли из страны без императора, чтобы получить приказ от нашего?

— Именно. И это не самое нелепое, что со мной случилось. Я, например, впервые в жизни получаю приказы от начальника, которого ещё нет в школьном учебнике.

Павел слушал, прислонившись к стене.

Ливия наконец повернулась к нему:

— А вы?

— Я тоже оттуда.

— И девять лет скрывали это?

— Я девять лет пытался понять, кто ещё знает.

— Теперь знаете, — сказала она. — Нас как минимум двое, кто хотел бы получить ответы.

* * *

В конце прохода их ждала железная дверь.

Ни решётки, ни привычных деревянных створок, обитых железом: сплошная металлическая плита с круглым гнездом в центре.

Артём подошёл ближе.

— Это уже совсем не похоже на древнеримское строительство.

Павел развернул ткань.

Пластина в руках Павла засветилась слабым, почти незаметным светом.

— Она должна подойти сюда.

— Должна? — переспросил Артём. — Вы проверяли?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

Павел не торопился отвечать.

— Я видел чертёж.

— Когда?

— Девять лет назад.

— И не сочли нужным упомянуть об этом до того, как мы забрались под гору? У вас вообще бывает момент, когда вы сообщаете важное заранее?

— Павел, если бы все мои подрядчики работали по вашему принципу, я бы давно жил на стройке. Причём официально она ещё не началась бы.

Руф осмотрел дверь.

— Может, просто выбить?

— Центурион, — сказал Артём, — вы удивительно последовательный человек. У вас любой вопрос решается мечом или предметом, который можно уронить на противника.

— Есть ещё огонь.

— Беру свои слова обратно. Три способа. Ваша империя всё-таки движется к прогрессу.

Ливия присмотрелась к углублению.

— Подождите. Там что-то написано.

По краю круглого гнезда тянулась надпись. Латинские буквы перемежались знаками, которых Артём прежде не видел.

Артём поднёс светильник.

Среди символов выделялась короткая фраза на русском языке:

«Вход разрешён только свидетелю».

— Опять русский, — произнёс он.

— Что написано? — спросила Ливия.

Артём перевёл.

Руф нахмурился, выслушав перевод.

— Свидетелю чего?

— Вот и мне интересно.

Павел протянул пластину.

— Попробуйте вы.

— Почему я?

— Потому что ваше имя было на приказе.

— Прекрасная причина. Я всегда мечтал стать ключом от двери, за которой может находиться что угодно. Надеюсь, гарантия прилагается.

Артём всё же взял пластину.

Металл оказался тёплым.

Артём приблизил пластину к гнезду. Не успел он коснуться Затем — голос.

Совершенно обычный женский голос, произнёсший по-русски:

— Артём Синицын. Идентификация подтверждена. Ожидайте открытия.

Артём опустил руку, так и не вставив пластину.

— Нет, — сказал он.

Ливия посмотрела на него.

— Что случилось?

— Там кто-то назвал моё имя.

— Это уже происходило.

— Да. Но раньше это делали люди. А сейчас со мной разговаривает дверь. И, что особенно обидно, она лучше знает порядок допуска.

Гай отступил на шаг.

— Я всегда говорил, что новые строительные технологии опасны. Старая дверь хотя бы не знала, как тебя зовут.

Дверь бесшумно ушла в стену.

За ней открылся коридор, освещённый ровным белым светом.

Никаких факелов.

Никаких масляных ламп.

И никакого видимого источника света.

Руф вскинул меч.

— Это колдовство?

— Нет, — ответил Артём. — Хуже. Здесь кто-то очень хорошо разбирается в технике и, судя по всему, уже утвердил смету.

* * *

Внутрь вошли гуськом, стараясь не задевать стены.

Первым шагал Руф. Следом — Артём, Ливия, Павел и Гай, который старательно держался ближе к выходу.

Коридор вывел в круглый зал. Посередине возвышалась каменная арка, не соединённая ни с одной стеной. Вокруг стояли металлические стойки со знаками, знакомыми по пластине.

Но Артём смотрел не на арку.

На столе у дальней стены лежала папка.

Такие продавались в любом канцелярском магазине его времени.

Он подошёл и прочитал надпись:

«ПРОЕКТ „ЯНУС“. ЭТАП II. ПРОТОКОЛ НАБЛЮДЕНИЯ».

Ниже стояла дата.

Не римская.

Современная.

И ещё одна строка:

«Субъект А. Синицын. Первое прибытие — подтверждено».

Артём перечитал строку. Слово «первое» выглядело особенно неприятно: обычно после него следовали «повторное» и новые расходы.

— Первое? — тихо переспросил он.

Ливия подошла ближе.

— Что это значит?

— Не знаю.

Он открыл папку.

На первой странице была фотография.

На ней стоял он сам.

В римской тунике, с коротко подстриженными волосами и тонким шрамом над левой бровью.

Но никакого шрама у Артёма не было.

Под фотографией значилось:

«Повторное перемещение возможно только после завершения первоначального цикла».

Артём перевернул страницу.

И увидел список событий.

Прибытие в крепость.

Проверка складов.

Обнаружение камнеподъёмной машины.

Арест.

Побег через подземный ход.

Перехват повозки.

Каждое событие сопровождалось датой.

Все даты совпадали.

Там было написано:

«Вход в комплекс. Субъект А. Синицын. Сопровождающие: четыре человека. После открытия двери один сопровождающий должен быть устранён».

Артём оторвался от страницы.

Их было пятеро.

Он, Руф, Ливия, Павел и Гай.

— Что там? — спросила Ливия.

Артём закрыл папку.

— Ничего хорошего.

Дверь за их спинами захлопнулась.

Ровный женский голос произнёс:

— Протокол второго этапа активирован. До выбора сопровождающего осталось десять минут.

Гай выронил сумку.

— Какого выбора?

Артём по привычке глянул на пустое запястье, где когда-то носил часы. За спиной уже не было выхода.

— Вот теперь, — сказал он, — мне действительно хотелось бы поговорить с организатором мероприятия. И сразу уточнить, где у него книга жалоб.

На этот раз никто не засмеялся.

Глава 10. Десять минут на спасение

— Девять минут пятьдесят секунд, — сообщила невидимая женщина.

Гай Септимий вскинул руки, словно требовал слова на заседании сената.

— Я требую разъяснений! По какому закону нас собираются убивать? И куда потом подавать жалобу?

— По внутреннему распорядку, — предположил Артём. — Жалобы принимаются по вторникам, с девяти до девяти пятнадцати. Лично от погибшего.

— Тогда я требую копию!

— Септимий, если выберемся, я подарю вам весь архив. С описью, печатью и чиновником в придачу. Только перестаньте кричать.

Посреди круглого зала белела арка. Свет вокруг неё был такой ровный, что тень исчезла совсем. Руф испытал запертую дверь мечом, выслушал глухой звон и нехотя отступил: железо оказалось толще его терпения.

— Восемь минут пятьдесят секунд.

— А она умеет считать в обратную сторону, — заметил Артём. — На моей работе так обычно начиналось совещание по бюджету. Правда, там погибала только премия.

Ливия раскрыла папку на столе.

— Там должно быть объяснение.

— Там протоколы, — ответил Артём. — Если бы авторы протоколов умели объяснять происходящее, половина государственных учреждений закрылась бы за ненадобностью.

— Тогда ищите исключения, — сказала она. — В любом правиле они есть.

Артём оторвался от бумаг и посмотрел на Ливию.

— Вы точно не работали в юридическом отделе?

— Я не знаю, что это. Но мой отец составлял договоры для половины провинции. И всякий раз, когда его пытались обмануть, он сначала спрашивал, что именно написано.

Павел стоял у металлической стойки, держа в руках пластину.

— Надо выключить питание.

— Отличная мысль. Где рубильник?

— Не знаю.

— Павел, вы предлагаете отключить устройство, не зная, где у него выключатель. Вас случайно не назначали главным инженером?

— Я им и руководил, — неожиданно ответил Павел.

Руф опустил меч. Ливия перестала листать папку. Павел явно сказал больше, чем собирался.

— Не всем строительством, — поспешил добавить Павел. — Моё дело — камень, подвоз, водоотвод. За внутреннюю дверь меня не пускали.

— Восемь минут десять секунд.

Руф повернулся к Артёму.

— Назови того, кто должен умереть. Я не позволю машине решать за нас.

— Никого не назову.

— Тогда она решит сама.

— Вот поэтому и не назову.

Гай сглотнул.

— Я могу заплатить! Всем! Даже этой женщине в стене! Только пусть выставит счёт, а не приговор.

— У неё, кажется, нет карманов, — сказала Ливия.

— Деньги можно оставить на столе!

Артём снова уткнулся в инструкцию: «Один сопровождающий должен быть устранён». Не «убит» и даже не «уничтожен». «Устранён». Любимое слово людей, которые хотят написать страшное и при этом ни за что не отвечать.

— Система, — произнёс он громко. — Кто считается сопровождающим?

Женский голос отозвался без задержки:

— Лицо, сопровождающее субъекта А при прохождении второго этапа.

— А если лицо перестало сопровождать?

— Требуется уточнение запроса.

— Прекрасно. Значит, разговаривать умеешь. Осталось научить тебя отвечать на вопросы, а не защищать диссертацию по уклонению от них.

— Семь минут двадцать секунд.

— Система, что означает «устранён»?

Гай успел начертить в воздухе какой-то знак. Артём не стал выяснять, какому божеству адресована просьба.

— Исключён из состава сопровождающих до активации перехода.

Артём обернулся к остальным.

— Слышали? Исключён из состава. Не обязательно убит.

— Почему тогда вы так испугались? — спросил Гай.

— Потому что машины с таймером смерти редко получают хорошие отзывы. Особенно от постоянных клиентов.

Ливия первой сообразила, к чему он клонит.

— Значит, одному нужно перестать быть вашим спутником.

— Верно. Но сперва выясним, как это оформляется.

— Шесть минут сорок секунд.

— Система! Предусмотрено ли изменение статуса сопровождающего?

— Да. На основании решения субъекта А и подтверждения независимого наблюдателя.

— Кто такой независимый наблюдатель?

— Лицо, не участвующее в переходе и не находящееся в прямом подчинении субъекта А.

Все переглянулись.

Руф перевёл взгляд на Гая.

— Торговец никому не подчиняется.

— Я подчиняюсь закону! — возмутился тот.

— Вот именно, — сказал Артём. — И деньги у вас свои. По — Не трогайте мои деньги! Я ещё не назначил наследника. И не собираюсь делать это в такой спешке!

— Ваши деньги пока в безопасности. Речь о статусе наблюдателя.

— Мне это не нравится.

— Гай, вам когда-нибудь нравилось то, что происходило с нами за последние сутки?

Гай всерьёз обдумал вопрос.

— Осёл мне нравился.

— Тогда ради осла сосредоточьтесь. Представьте, что ему грозит конфискация без возмещения убытков.

Артём повернулся к белой стене.

— Назначаю Гая Септимия независимым наблюдателем.

— Недостаточно данных. Требуется согласие лица.

— Гай?

— А что мне за это будет?

— Возможность остаться живым. Это единственный гонорар, который мы пока можем выплатить без задержки.

— Слишком расплывчатая выгода.

— И письменное подтверждение, что вы помогли императорскому уполномоченному.

— С печатью?

— С какой найдём. Если не найдём, нарисуем. У меня за плечами десять лет организации мероприятий — там без печати даже дождь не отменяли.

— Согласен!

По стене протянулась зелёная полоса.

— Независимый наблюдатель подтверждён.

— Пять минут двадцать секунд.

Ливия захлопнула папку.

— Теперь один из нас должен выйти из числа сопровождающих.

— Но выход заперт, — напомнил Руф.

— Мы пока не говорили о выходе, — ответил Артём. — Мы говорили о списке.

Он подошёл к стойке и заметил неглубокую нишу. В ней лежала гладкая табличка с четырьмя светящимися отметками. Когда он коснулся первой, в воздухе раздался короткий сигнал.

— Идентифицирован Марк Флавий Руф.

Центурион отступил.

— Я ничего не подписывал, — возмутился Руф. — И клянусь Марсом, даже пальцем не прикоснулся к их табличкам!

— Машина вас уже узнала, — сказал Артём. — А мы даже не знаем, кто её об этом просил.

Он коснулся остальных отметок. Прозвучали имена Ливии, Павла и Гая. Последнее сопровождалось уточнением: «Статус изменён: наблюдатель».

— Четыре минуты сорок секунд. Недостаточное количество сопровождающих для запуска перехода.

Артём нахмурился.

— Погодите. Ты только что требовала убрать одного, а теперь их недостаточно?

— Для запуска второго этапа требуется четыре сопровождающих.

После
подтверждения
независимого наблюдателя зарегистрировано три.

— То есть ты сама предложила способ, который не работает? — уточнил Артём. — Теперь понятно, кто составлял техническое задание.

— Запрос некорректен.

— У меня к тебе накопилось несколько таких запросов.

Павел сделал шаг вперёд.

— Назначьте меня обратно. Я попробую войти в арку один.

— Нет, — сказал Артём.

— Я знаю, что делаю.

— В прошлый раз вы тоже знали?

Павел промолчал.

Ливия тем временем изучала строку в папке.

— Здесь сказано, что наблюдатель не должен участвовать в переходе. Но не сказано, что он обязан находиться в этом — Отлично, — сказал Артём. — А если он выйдет, система сохранит подтверждение?

— Система, — обратилась Ливия к стене, тщательно повторяя русское слово, которое услышала от Артёма, — наблюдатель может находиться вне зала?

Голос ответил по-латыни. Чётко и без малейшего акцента:

— Да. Доступен пост наблюдения в смежном помещении.

Гай вскрикнул.

— Она знает латынь!

— И скрывала, — сказал Артём. — Десять минут мы мучились с переводом. За такую услугу в туристическом агентстве потребовали бы возврат денег.

— Три минуты пятьдесят секунд.

В дальней стене открылся узкий проход. За ним виднелся маленький отсек с единственным креслом и панелью, покрытой знаками.

— Я туда не пойду, — объявил Гай.

— Там безопаснее, чем здесь, — сказал Павел.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю.

— Прекрасно! — возмутился Гай. — У нас всё больше специалистов, и ни один не знает, где безопасно!

Артём подошёл к торговцу.

— Послушайте. Всю жизнь вы следили, чтобы товар не пропадал без оплаты. Теперь проследите, чтобы мы не пропали без объяснения. По сути, та же торговля, только товар нервничает и спорит.

Гай расправил плечи.

— Это уже похоже на работу.

— Именно. И если увидите надпись «Подтвердить устранение», ничего не нажимайте.

— А если там будет написано «Получить вознаграждение»? Я же не могу игнорировать деловое предложение!

— Особенно не нажимайте.

Гай нехотя вошёл в отсек. Дверь за ним закрылась, но сквозь прозрачное окно было видно, как он осторожно садится в кресло и начинает торговаться с невидимым голосом.

— Три минуты десять секунд. Независимый наблюдатель на посту.

— Система, — сказал Артём, — назначаю Гая наблюдателем, а оставшихся троих — сопровождающими. Сам я остаюсь субъектом А. Требование исключить одного сопровождающего выполнено?

— Подтверждено. Исходный состав изменён.

— Тогда прекращай отсчёт.

— Отсчёт относится к активации второго этапа.

— А можно его не активировать?

— Отказ от активации допускается при оформлении протокола отмены.

— Где бланк?

На столе бесшумно открылся ящик. Внутри лежал лист бумаги.

Обычный лист формата А4.

Артём почти растрогался.

— Вот теперь узнаю родину. Не хватает только таблички «Заполнять печатными буквами» и женщины, которая ушла на обед.

Он поднял документ. В верхнем углу значилось: «Форма 12-Б. Добровольный отказ от перехода». Ниже шли графы с именем, датой, основанием и подписью.

Ливия наклонилась к документу.

— Вы улыбаетесь.

— За десять минут я впервые увидел предмет, который понимаю. Лист бумаги. Он хотя бы не разговаривает и не угрожает уничтожить человечество.

— Две минуты двадцать секунд.

Артём взял лежавший рядом карандаш. Написал имя. В графе «Основание» вывел: «Недостаточная информированность участников, угроза жизни и отсутствие согласованного плана эвакуации».

Потом остановился.

Перед глазами возникло предупреждение Павла: «Ничего не подписывайте».

И надпись на обороте императорского приказа: «Павлу не верь. Никому».

— Что случилось? — спросила Ливия.

— Мне очень не нравится последняя графа.

Он перевернул лист. На обороте мелкими буквами было напечатано:

«Подписант
подтверждает
завершение первоначального цикла и согласие на архивирование личностной копии».

Артём прочитал ещё раз.

— Вот и приехали.

— Что там?

— Подпись под отказом означает согласие на что-то совершенно другое.

Павел выругался по-русски.

— Я предупреждал.

— А раньше объяснить не могли?

— Мне не дали договорить.

— И всё это время вы ждали подходящей минуты для объяснений? — Артём показал на стену. — У нас тут ведущая уже объявила финальный отсчёт!

— Минута пятьдесят секунд.

Руф решительно вытащил меч.

— Я всё-таки разрублю эту штуку.

— Не надо. Вы нам ещё пригодитесь с целым мечом. Если появится ответственный за этот проект, я лично покажу, куда стучать.

Ливия внимательно рассмотрела бумагу.

— Здесь написано, что требуется подпись. Но не сказано, что именно ваша.

Артём встретил её взгляд.

— Вы начинаете меня пугать.

— В хорошем смысле?

Он поднял голову.

— Система! Кто вправе подписать форму отказа?

— Субъект А либо уполномоченный представитель.

— Как назначить представителя?

— Устным распоряжением в присутствии независимого наблюдателя.

За стеклом Гай, услышав слово «наблюдатель», поднял руку. Он явно наслаждался новым положением.

— А представитель обязан подписывать форму?

— Нет. Он вправе заявить мотивированный отказ от подписания.

— И что тогда?

— Процедура передаётся на рассмотрение оператору комплекса. Активация приостанавливается.

— Минута десять секунд.

Артём разжал пальцы, которыми едва не переломил карандаш. Впервые в жизни он жалел, что не взял с собой юриста на исторический фестиваль.

— Назначаю Ливию Корнелию своим уполномоченным представителем для рассмотрения формы двенадцать-Б.

—

Назначение

подтверждено.

Требуется

согласие представителя.

— Согласна, — ответила Ливия по-латыни.

— Согласие подтверждено.

— Ливия, — сказал Артём, протягивая ей лист, — откажитесь его подписывать. И обязательно назовите причину.

Она приняла бумагу, внимательно посмотрела на строки, которых не могла прочесть, и выпрямилась:

— Отказываюсь подписывать документ, содержание которого не разъяснено доверителю и который предусматривает последствия, не связанные с предметом отказа.

— Пятьдесят секунд.

Система молчала.

— Сорок девять, — произнёс Руф.

— Не помогайте ей, — попросил Артём. — У неё прекрасно — Сорок восемь.

Вдруг белый свет мигнул.

— Обнаружен процессуальный спор. Активация второго этапа приостановлена. Передача оператору.

Отсчёт прекратился.

Никто не двигался.

Потом Гай за стеклом поднял оба кулака, как победитель на состязаниях.

— Я всё слышал! Это благодаря моему наблюдению!

— Конечно, — сказал Артём. — Вы спасли нас, ни к чему не прикоснувшись. Гай, если вернёмся, я устрою вас руководить отделом. Это редчайший управленческий талант.

Руф медленно убрал меч.

— Значит, мы живы?

— Пока да.

— А что дальше?

Артём кивнул в сторону арки.

— Дальше придёт тот, кто должен рассмотреть жалобу.

— И мы его арестуем? — с надеждой спросил центурион.

— Сначала поговорим. Потом посмотрим на его поведение.

* * *

Дверь поста наблюдения открылась, и Гай вышел, расправив складки туники.

— Я требую, чтобы мой вклад был отражён в официальном отчёте.

— Обязательно. Отдельной строкой: «Сидел. Не нажимал». В графе «Особые заслуги» поставим три восклицательных знака.

— Это звучит оскорбительно.

— В некоторых организациях за это платят премию. А особо отличившихся даже повышают.

Ливия положила форму на стол.

— Вы сказали, что придёт оператор. Откуда?

— Если это действительно система, которой кто-то управляет, у неё должен быть человек, принимающий спорные решения.

— Тогда мы обнаружили первую в истории канцелярию, которая работает без чиновников. Это страшнее любого временного разлома.

Павел подошёл к папке и перевернул несколько страниц.

— Я видел эти бумаги прежде, — сказал он наконец.

Артём повернулся.

— Где?

— В том помещении, где меня держали после первого запуска. Там было такое же обозначение. «Этап II».

— Вас держали взаперти?

— Три дня. Потом выпустили и велели ждать.

— Кого?

Павел посмотрел ему в глаза.

— Вас.

Ливия скрестила руки.

— И вы девять лет не пытались уйти?

— Пытался. Каждый раз, когда добирался до дороги за перевалом, кто-нибудь находил меня. Однажды я проснулся в своей кладовой и не помнил, как туда попал.

Артём хотел ответить, но в стене раздался мягкий звон.

— Процессуальный спор принят к рассмотрению, — сообщила система. — Оператор прибудет через сорок секунд.

— О, — сказал Артём. — Жалобу зарегистрировали. Осталось выяснить, есть ли у конца света книга отзывов.

Руф встал у двери. Ливия спрятала папку под плащ. Гай на всякий случай пересчитал монеты в кошеле.

В дальней стене открылся ещё один проход.

Из него вышел человек в простой серой одежде. Никакого оружия. Никаких знаков отличия. На носу — очки в тонкой металлической оправе.

Артём невольно шагнул вперёд.

Человек был похож на обычного преподавателя, который опоздал на лекцию и теперь сердится на студентов.

— Кто подал возражение? — спросил он по-русски.

— Кто именно составил основание?

— Мой представитель.

Человек посмотрел на Ливию и неожиданно улыбнулся.

— Грамотно. Очень грамотно. В предыдущих циклах до этого никто не додумался.

— В каких предыдущих? — спросил Артём.

Незнакомец перестал улыбаться.

— Вас не должны были допускать к архиву до завершения этапа.

— А вас, по-моему, не должны были допускать к людям без инструкции по технике безопасности. И желательно с подписью каждого пострадавшего.

Руф шагнул ближе.

— Назовите себя.

— Тиберий Варрон.

Ливия резко выпрямилась.

— Тот самый Варрон из провинциального совета?

— Он самый.

— Вы умерли шесть лет назад.

Незнакомец поправил очки.

— В документах, госпожа Корнелия. Исключительно в документах.

Артём перевёл взгляд с Ливии на Варрона. У того на лице не дрогнул ни один мускул.

— Кажется, я понимаю, почему у вас так хорошо поставлен документооборот, — сказал Артём. — Сотрудники умирают, а отчётность продолжает жить.

Варрон не ответил. Он смотрел на папку под плащом Ливии.

— Верните материалы, — произнёс он. — Иначе мне придётся возобновить протокол.

— А если не вернём?

— Вы снова окажетесь в начале цикла.

— То есть?

— На празднике. Перед катапультой. За несколько минут до вашего появления в крепости.

Артём вспомнил деревянную трибуну, крики людей и странный момент, когда весь мир словно сдвинулся в сторону.

— Вы хотите сказать, что я уже был здесь?

Варрон помолчал.

— Неоднократно.

— И каждый раз погибал кто-то из спутников?

— Не каждый.

— Очень утешительно. Значит, программа лояльности всё-таки предусмотрена: некоторые клиенты остаются живы.

— В некоторых циклах погибали все.

Руф вынул меч.

— Теперь я его всё-таки арестую.

— Подождите, — сказал Артём.

Он шагнул к Варрону.

— Если мы уже проходили через это, почему я ничего не помню?

— Потому что память сохраняется не полностью.

— А фотография со шрамом?

— Один из вариантов вашего будущего.

— И вы всё это устроили?

— Нет, — ответил Варрон. — Я пытаюсь остановить того, кто устроил.

Из-за арки донёсся гул. Металлические стойки начали светиться.

Варрон побледнел.

— Кто включил переход?

Все посмотрели друг на друга.

Гай поднял руки.

— Я ничего не нажимал! — выкрикнул Гай. — У меня свидетели! И я готов представить их за разумное вознаграждение!

— Я знаю, — сказал Артём. — На этот раз верю.

Внутри арки возникло дрожащее изображение. Сначала оно напоминало отражение в мутной воде. Потом прояснилось.

За аркой стоял человек.

В римской тунике.

И тонким шрамом над левой бровью.

Артём Синицын.

Только другой.

Тот, со шрамом, посмотрел прямо на него и произнёс:

— Не слушай Варрона. Он уже однажды убедил тебя остаться.

Потом поднял руку, показывая зажатую между пальцами синюю флешку.

Точно такую, какую Павел принёс в кладовую.

— И самое главное, — добавил двойник, — не позволяй мне выйти.

Глава 11. Человек, который пришёл раньше себя

— Не позволяй мне выйти, — повторил человек за аркой.

Артём оглянулся на Варрона, потом снова уставился на человека за аркой.

— Уточните, кто именно из нас не должен выходить. Нас здесь двое, и оба — я. А у меня на сегодня уже запланирована одна катастрофа.

Двойник остался серьёзен.

Вот это Артёму уже совсем не понравилось.

Он привык к собственному лицу. Тридцать два года видел его в зеркалах, витринах и случайно включённых фронтальных камерах. Но сейчас перед ним стоял человек с теми же глазами, той же привычкой слегка прищуриваться, когда кто-нибудь несёт чепуху, и совершенно чужим выражением лица.

На лице двойника лежала усталость, взгляд был настороженным. Над бровью белел тонкий шрам.

— У тебя осталось меньше минуты, — сказал двойник. — Не дай ему открыть внешний контур.

— Кому?

— Мне.

— Семейная ссора, — пробормотал Артём. — Только родственник достался неприятный.

Варрон потянулся к металлической стойке.

— Отойдите от арки. Немедленно.

Руф преградил ему путь.

— Сначала объясните, кто этот человек.

— Ошибка.

— Какого рода?

— Такого, который может уничтожить нас всех.

Руф нахмурился, словно прикидывал, с какой стороны брать крепость.

— Значит, арестовать обоих?

Ливия всё это время разглядывала двойника.

— Если вы действительно один человек, — произнесла она, — расскажите то, чего не может знать посторонний.

— Например, — подхватил Артём, — сколько я должен за квартиру?

— Ты заплатил за три месяца вперёд, — ответил двойник. — И оставил в холодильнике половину торта, который собирался съесть после фестиваля.

Артём попятился.

— Торт?

— Шоколадный.

— С вишней?

— С вишней.

Артём развёл руками перед остальными.

— Всё, сомнений нет. Это действительно я.

— Почему? — спросила Ливия.

— Потому что о торте я никому не рассказывал.

— Возможно, он прочитал ваши мысли.

— Тогда он бы сейчас знал, насколько я расстроен.

Двойник глянул на него так, будто заранее знал, чем кончится разговор.

— Я знаю.

* * *

Гул нарастал. По полу пробежала светлая черта, отрезавшая арку от комнаты.

Павел попятился к двери.

— Надо уходить.

— Вы это говорите с момента знакомства, — заметил Артём. — И всё-таки каждый раз идёте туда, откуда советуете бежать.

— На этот раз я серьёзно.

— А раньше развлекались?

Павел указал на металлическую пластину в руке Артёма.

— Уберите её от стойки.

— Почему?

Двойник резко поднял голову.

— Павел, молчи!

Артём посмотрел сперва на Павла, затем на двойника.

— Интересно. Значит, вы знакомы.

Павел стиснул край стола.

— Я видел его раньше.

— Девять лет назад?

— Нет. Позавчера.

Никто не произнёс ни слова.

Даже Гай перестал шуршать кошелём.

— Позавчера, — медленно повторил Артём. — И вы решили, что это мелочь, о которой можно не упоминать?

— Я не был уверен, что это вы.

— Мы похожи настолько, что моя мать перепутала бы нас при плохом освещении!

— У него шрам.

— Серьёзное отличие. Совершенно другой человек.

Ливия подошла к Павлу.

— Где вы его видели?

— У старого водосброса. Он передал мне записку и приказал отнести её в кладовую.

— Какую записку? — спросил Артём.

Павел промолчал.

— Ту, где сказано не искать зерно?

— Да.

— Значит, это он написал?

Павел подтвердил это коротким движением головы.

Артём оглядел двойника с головы до ног.

— Поздравляю. Я впервые встретил самого себя и уже выяснил, что мне нельзя доверять.

— Наконец-то, — отозвался двойник. — Ты начинаешь думать.

— А ты начинаешь раздражать. Тоже семейная черта.

* * *

Варрон выбрал момент и обошёл Руфа.

— Господин Синицын, послушайте. Человек за аркой не может находиться здесь физически. Перед вами временной отголосок.

— Временной кто?

— Сохранённая версия личности из незавершённого цикла.

— То есть архивная копия?

— Приблизительно.

— А почему архивная копия разговаривает и раздаёт указания?

— Потому что система позволяет ей воздействовать на наблюдателя.

Двойник ударил ладонью по невидимой преграде.

— Варрон врёт. Спроси, почему он носит очки, которых в этой эпохе ещё не изобрели.

Варрон невольно коснулся оправы.

Артём пригляделся к оправе.

— Действительно. Отличный вопрос.

— Очки привезены из будущего, — ответил Варрон.

— Кем?

— Неважно.

— Нет, — вмешалась Ливия. — Именно это и важно. Вы представились римским чиновником. Но пользуетесь вещами, которых нет в Риме, и управляете устройством, которое не понимают даже его строители. Кто вы?

Варрон впервые взглянул на неё без чиновничьего снисхождения.

— Ваш отец предупреждал, что вы слишком любопытны.

Кровь отхлынула от лица Ливии.

— Вы знали моего отца?

— Я работал с ним.

— Он погиб при обрушении карьера.

— Так написано в отчёте.

Ливия приблизилась к нему вплотную.

— Где он?

Варрон уставился в пол.

Артём заметил перемену: прежде чиновник ловко уходил от

* * *

Система произнесла:

— До синхронизации внешнего контура осталось сорок секунд.

— Ну всё, пора вмешиваться, — сказал Артём.

— Выключить! — потребовал Руф.

— Хорошее предложение. Осталось найти кнопку с надписью «Выключить весь этот кошмар».

На стойке рядом с аркой загорелись три символа. Варрон метнулся к ним, но Ливия перехватила его руку.

— Сначала вы скажете, что случилось с моим отцом.

— Он жив, — выдохнул Варрон.

Ливия едва удержалась на ногах.

— Где?

— За внутренней границей. Но если откроется внешний контур, мы потеряем доступ к нему.

— Почему?

— Потому что там не одно прошлое. Там множество его вариантов.

— Ага, — сказал Артём. — Выходит, это не дверь домой, а распределительный щит судьбы. Согласитесь, вывеска «Строительство» несколько вводит в заблуждение.

Двойник поднял синюю флешку.

— Артём! Ты уже слышал эти объяснения. Трижды. В четвёртый раз Варрон предложит тебе остаться и искать её отца. Ты согласишься. Потом потеряешь Ливию.

— Замолчи! — крикнул Варрон.

— Я бы тоже попросил, — тихо сказал Артём. — Но сначала пусть закончит.

— Ты думаешь, что спасаешь людей, — продолжал двойник. — А на самом деле каждый раз отдаёшь системе новые сведения о них. Она учится выбирать того, кем ты готов пожертвовать.

Гай поднял обе руки.

— Я готов пожертвовать деньгами! Только разумную сумму, разумеется.

Павел бросился к арке.

— Я могу остановить переход. Мне нужен ключ.

Артём спрятал пластину за спину.

— Сначала расскажите, почему на ней написано моё имя.

— Потому что она изготовлена для вас.

— Кем?

Павел посмотрел на двойника.

— Им.

Артём присвистнул.

— У нас прямо семейное предприятие. Я изготовляю ключи, другой я пишет записки, третий, видимо, ведёт бухгалтерию.

— Не третий, — сказал двойник. — Ты ещё не видел третьего.

Артём открыл рот, закрыл и только потом нашёлся с ответом. Но было уже поздно.

* * *

— Двадцать секунд, — произнесла система.

Руф ударил по металлической стойке рукоятью меча. Вместо ожидаемого грохота раздался жалкий стук.

— Не ломается.

— Центурион, не обижайтесь, но это было предсказуемо.

— Тогда скажи, что ломать.

Артём посмотрел на пластину, на светящуюся линию и на три знака возле арки. Он вспомнил организацию концертов, когда вся система доступа зависела от одной неприметной вещи: кто именно числится ответственным за площадку.

— Варрон, — сказал он, — кто сейчас оператор?

— Я.

— А кто назначил вас?

— Система.

— Письменно?

Варрон посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Что?

— Есть документ о назначении? Доверенность? Приказ? Хоть какая-нибудь бумажка?

— Как раз самое время. Вы уже убедились, что у меня профессиональное заболевание.

— Десять секунд.

Артём повернулся к потолку.

— Требую приостановить синхронизацию до проверки полномочий оператора!

Тишина.

Пять секунд.

Варрон скривил губы.

— Не сработает дважды.

— Тогда другое основание, — быстро произнесла Ливия. — Оператор лично заинтересован в результате и скрывает сведения от участников. Заявляем отвод.

Белый свет мигнул.

— Отвод зарегистрирован, — ответила система. — Синхронизация приостановлена.

Гай опустился на пол.

— Я готов заплатить этой женщине сколько угодно. В разумных пределах.

Руф посмотрел на Ливию с явным одобрением.

— Хороший удар. Без меча.

Артёму было не до улыбок.

На панели появились слова, которых прежде не было: «ТРЕБУЕТСЯ НЕЗАВИСИМЫЙ СВИДЕТЕЛЬ».

— Прекрасно, — сказал он. — Теперь нам нужен нотариус из будущего.

Двойник прижался ладонью к прозрачной преграде.

— Нет. Свидетель уже здесь.

— Кто?

— Тот, кого никто из вас не приглашал.

Из бокового коридора донёсся звук шагов.

Шаги не торопились.

Появился человек в запылённом дорожном плаще. Он был старше Артёма лет на двадцать, с седыми висками и лицом, которое — Отец? — прошептала она.

Незнакомец остановился.

— Ливия, не подходи ко мне.

Руф обнажил меч.

— Почему?

Человек снял плащ. Под ним оказалась обычная римская туника, а на груди висел маленький металлический жетон с двумя скрещёнными ключами.

— Потому что, — сказал он, глядя не на дочь, а на Артёма, — я пришёл свидетельствовать против него.

— Против кого? — спросил Артём.

— Против Артёма Синицына. Того, который ещё не совершил своего преступления.

Артём проглотил первое пришедшее в голову замечание: оно могло испортить знакомство окончательно.

— Вот и отлично. Впервые в жизни меня обвиняют с опережением графика.

Из-за арки подал голос двойник:

— Теперь ты понимаешь, почему я просил не выпускать меня.

Глава 12. Суд над будущим

— Предлагаю сначала разобраться, в чём нас обвиняют, — сказал Артём. — А уже потом назначать казнь. Лучше значительно потом.

Шутка провалилась. Только Гай Септимий поднял голову — кажется, у него появилась надежда.

— А залог предусмотрен?

— Гай, вы не подсудимый.

— Пока. Но я предпочитаю выяснять условия заранее. В прошлый раз мне даже тарифы не показали.

Человек, которого Ливия назвала отцом, стоял у бокового прохода, не приближаясь к дочери. Он был высоким, чуть сутулым, с лицом учёного, которому слишком часто приходилось объяснять начальству очевидные вещи. На груди у него поблёскивал жетон с двумя скрещёнными ключами.

— Назовите себя, — потребовал Руф.

— Публий Корнелий Марцелл. Инженер императорской службы. До закрытия карьера — руководитель строительных работ.

— В отчётах вы числитесь погибшим, — сказала Ливия.

— В здешних отчётах покойников хватает. Не всем сообщили.

— Отец!

Марцелл взглянул на дочь. Артём отвернулся: на лице инженера было написано то, что тот не решался произнести.

— Я собирался вернуться. Но здешний выход не спрашивает, куда тебе нужно.

— Я тоже не сразу нашёл дорогу обратно, — тихо сказал Артём.

Варрон выступил вперёд.

— Свидетель установлен. Прошу систему продолжить процедуру.

— Возражаю, — сказала Ливия.

— На каком основании?

— Свидетель не подтвердил, что согласен свидетельствовать.

Над аркой загорелись слова на языке, которого Ливия не знала. Артём прочитал:

— «Проверка независимости». Значит, показания ещё могут отклонить.

— Я согласен дать показания, — произнёс Марцелл. — Но не по вашему сценарию, Варрон.

Варрон поджал губы.

— Вы знаете, к чему приведёт задержка.

— Знаю. Именно поэтому мы должны установить, какой Синицын перед нами.

Артём попросил слова жестом.

— Простите, сколько Синицыных у вас вообще на складе? Хотелось бы знать остаток.

За прозрачной преградой двойник с шрамом отвернулся.

— Больше, чем тебе понравится, — ответил Марцелл.

* * *

Посреди круглого зала из пола поднялась низкая каменная скамья. Над ней зажглось белое кольцо света.

— Слушание начато, — объявил женский голос. — Предмет: ответственность субъекта А за разрушение внешнего контура в цикле семь.

— Цикле семь? — переспросил Артём. — А мне рассказывали про три попытки.

— Три я помню, — сказал двойник. — Остальные не все были моими.

Руф перевёл взгляд с одного Артёма на другого. Судя по лицу центуриона, служба на границе империи вдруг показалась ему спокойным занятием.

— В вашем времени все так живут?

— Нет. Обычно у нас проблемы с одним экземпляром себя.

Марцелл встал напротив светового кольца.

— В седьмом цикле внешний контур был открыт вопреки запрету. В результате исчезли двадцать три человека из строительной команды, часть горного склона и дорога к форту.

— Да.

— И вы обвиняете меня? — спросил Артём.

— Система считает, что приказ отдал субъект А.

— Это вывод системы или вы сами были свидетелем?

Марцелл не ответил сразу.

— Я видел человека с вашим лицом у пульта.

— Со шрамом?

— Нет.

Артём обернулся к двойнику.

Тот мотнул головой.

— Я тоже видел запись. Там не было шрама. Но это ещё не доказывает, что им был ты.

— Благодарю. Наконец-то свидетель защиты. Правда, свидетель очень подозрительно похож на обвиняемого.

Ливия сложила руки на груди.

— Отец, ты сказал, что видел человека. Где находился ты сам?

— За защитным стеклом.

— Тогда почему в официальном отчёте написано, что ты погиб?

— Потому что после аварии меня перевели во внутренний сектор, а внешним наблюдателям сообщили о гибели всей смены.

— Кто подписал отчёт?

Марцелл взглянул на Варрона.

Варрон даже не смутился:

— Я действовал в интересах сохранения порядка в провинции.

— Запишем, — предложил Артём. — Двадцать три пропавших человека спрятали в отчётности. Ради порядка, разумеется.

— Вы не понимаете масштабов, — возразил Варрон.

— Пока я понимаю только одно: человек, который оформил ложный отчёт о гибели свидетеля, теперь предлагает принять показания этого свидетеля против меня. В моём времени это вызвало бы вопросы даже у самого ленивого следователя.

Голос системы произнёс:

— Замечание принято. Достоверность официального отчёта снижена.

— Кто разрешил пересматривать архив?

— Вы сами, — сказала Ливия. — Когда потребовали независимого слушания.

Руф хмыкнул с явным одобрением.

— Она снова ударила без меча.

* * *

Гай, до сих пор сторживший свою сумку на полу, встал.

— Я хочу задать вопрос.

— Только не о залоге, — предупредил Артём.

— О деньгах.

— Разумеется.

Торговец указал на Марцелла.

— Вы утверждаете, что строили устройство девять лет назад. Тогда почему в казённых книгах за последний год значатся новые поставки камня, масла и железа? Я сам принимал часть грузов.

Руф повернулся к нему.

— Так ты всё-таки принимал?

— Разумеется. Я же торговец, а не поэт. Просто не знал, куда их отправляли.

— И сколько за это получил? — спросил Артём.

— Не вижу отношения к делу.

— Значит, много.

— Относительно.

Марцелл нахмурился и переспросил:

— После аварии стройку официально закрыли. Поставки должны были прекратиться.

— Но они не прекратились, — сказала Ливия. — Кто-то продолжал снабжать комплекс.

Павел, стоявший у стены, заговорил впервые за несколько минут:

— И не только комплекс. Я видел людей, которых здесь раньше не было. Они выходили из нижних туннелей, брали продовольствие и возвращались обратно.

— Из какого времени? — спросил Артём.

— Не знаю. Один говорил по-немецки. Другой носил куртку с надписью, которую я не смог прочитать. Третий расплачивался серебряными монетами, отчеканенными при императоре, который ещё не родился.

Варрон заметно побледнел.

— Этого не должно было происходить.

— Отличная новость, — сказал Артём. — Значит, у нас есть не только незаконное строительство, но и незаконная торговля между эпохами. Гай, вы хотя бы налоги платили?

— Смотря в какую эпоху.

— Вот! — Артём указал на него. — Человек уже понял проблему лучше руководства проекта.

Гай принял похвалу лёгким поклоном.

— Я всегда стремился работать с перспективными рынками.

* * *

Система потребовала представить вещественные доказательства.

Варрон приложил ладонь к стойке. Над каменной скамьёй возникло изображение: тёмный зал, вспышки света, человек у пульта. Его лицо было лицом Артёма. Он протянул руку к рычагу, после чего изображение распалось на белые полосы.

— Видите? — спросил Варрон. — Приказ об открытии.

— Не вижу приказа, — ответила Ливия. — Вижу человека, который тянется к рычагу. Мы даже не знаем, что он собирался сделать.

— Он мог пытаться остановить устройство, — добавил Руф.

— Или придержать дверь, — сказал Гай. — У нас в лавке так однажды сломалась петля.

Артём посмотрел на торговца.

— Удивительно, но возразить нечего, — признал Артём.

— Изображение неполное, — произнёс Марцелл. — Где вторая часть записи?

Варрон выпалил ответ прежде, чем Марцелл договорил:

— Повреждена при аварии.

— Нет, — сказал двойник за преградой. — Её удалили. Я нашёл Он поднял синюю флешку.

Артём сразу узнал её. Ту самую, что Павел показывал в кладовой.

— Так вот почему на ней было написано «не открывать до прибытия», — сказал он. — Я должен был доставить сам себя к устройству, которое умеет её читать.

— Не совсем, — ответил двойник. — Ты должен был прийти сюда, не доверяя никому. Особенно мне.

— Очень удобный совет от тебя.

— Потому что в одном цикле я сам передал Варрону ключ.

Ливия шагнула к прозрачной преграде.

— Покажите запись.

— Нужен доступ оператора, — ответил двойник.

Варрон скрестил руки.

— Не дам.

Артём поднял пустые ладони.

— Всё как дома: документ существует, но показать его может только тот, кому это невыгодно.

— У вас есть законный способ? — спросила Ливия.

— У меня есть организаторский. Руф, можете пригласить нашего оператора на беседу подальше от пульта?

Центурион шагнул к Варрону.

— С удовольствием.

— Только без насилия, — поспешно добавил Артём. — Мы же цивилизованные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.